

## «ОДИН ИЗ ТАЛАНТЛИВЕЙШИХ РУССКИХ ЛЮДЕЙ»

Статья Н. И. Дикухиной

Горького и Германа Александровича Лопатина не связывала длительная и обширная переписка, они не имели частых и постоянных встреч, деловые связи их были недолгими, и все же публикуемые в том же материалы свидетельствуют, что тема «Горький и Лопатин» является существенной при изучении биографии и творчества Горького. Их переписка, дневниковые записи Пятницкого о пребывании Лопатина на Капри в 1909 г., позже переработанные в обширный очерк «Г. А. Лопатин в гостях у Горького на Капри (отрывки из дневника)», записанный Амфитеатровым рассказ Лопатина о ставропольской ссылке, материалы, связанные с участием Горького и Лопатина в заграничных изданиях Бурцева, документы о Лопатине из жандармских дел, хранящихся в ЦГАОР,— все это освещает мало известную историю отношений и связей Горького с выдающимся русским революционером. Вместе с тем публикуемые материалы важны для изучения биографии Лопатина.

О Лопатине написано много. Человек легендарной судьбы, революционер, друг Маркса, П. Л. Лаврова, И. С. Тургенева, Г. И. Успенского, он привлекал к себе внимание многих исследователей, его жизни посвящены романы и повести<sup>1</sup>.

Лучше известен первый этап жизни Лопатина — до рокового ареста в 1884 г., или, говоря словами самого Лопатина, его «первая жизнь». Она отражена в «Автобиографии» Лопатина, написанной им от третьего лица<sup>2</sup>. Этот же период превосходно освещен его другом Лавровым в «Заметках о Лопатине», напечатанных почти сто лет тому назад, в 1888 г.<sup>3</sup>

Менее известны обстоятельства «второй жизни» Лопатина, начавшейся, как он точно указывал, 26 октября/8 ноября 1905 г.<sup>4</sup> Этот день шестидесятилетний Лопатин считал вторым днем своего рождения: он получил возможность покинуть крепость, где с 1887 г. находился в одиночном заключении. В этой своей «второй жизни» Лопатин встретился с Горьким.

Сам Лопатин остро ощущал пропасть, которая лежала между «первой» и «второй» его жизнями. Размышляя в Шлиссельбурге о возможности выхода из крепости, Лопатин трезво оценивал свои перспективы: «...для нашего брата „конец“ старого есть ведь только „начало“ нового, быть может еще горшего»<sup>5</sup>,— писал он брату В. А. Лопатину 9 марта 1898 г.

«Вторая жизнь» Лопатина была действительно нелегкой и совсем непохожей на прежнюю. Печатных сведений или воспоминаний современников об этом периоде его жизни мало. Но сохранились (далеко не полностью) письма Лопатина В. А. Лопатину, сестре Л. А. Мартыновой, В. Г. Короленко, Н. Ф. Русановой, дочери П. Л. Лаврова М. П. Негрескул, А. В. и И. В. Амфитеатровым, В. Л. Бурцеву и др. В этих письмах — своего рода летопись жизни Лопатина, заключающая подробный, точный, датированный рассказ о многом, с ним происходившем. К тому же «блестящий литературный талант» Лопатина, отмеченный Тургеневым, проявляется в письмах последних лет со всей полнотой. Изящная и непринужденная, нередко

ироническая манера письма, меткость характеристик, живость воспроизводимых диалогов, глубина и серьезность содержания — все это делает письма Лопатина значительным человеческим и литературным документом своего времени. Читателей привлечет в его письмах история его жизни после Шлиссельбурга: поездки из Вильно в Петербург, хлопоты о выезде за границу, перипетии отъезда, жизнь в эмиграции, — но главное — письма живо передают душевное состояние Лопатина, что имеет особенный интерес для понимания того, каким вышел Лопатин из Шлиссельбурга и каким его узнал Горький.

# I

Освобождение узников Шлиссельбурга стало заметным фактом русской общественной жизни. В январе 1906 г. был создан Шлиссельбургский комитет под председательством В. И. Семецкого. «Одна из первых, предстоящих ему (комитету. — Н. Д.) задач, — говорилось в обращении комитета, — озабочиться сбором денежных средств для составления постоянного шлиссельбургского фонда». Кроме этого, комитет готовил издание книги «Галерея шлиссельбургских узников», в которую были собраны очерки о народолюбцах, отбывавших заключение в Шлиссельбурге.

Большую роль в освещении истории Шлиссельбурга сыграл журнал «истории освободительного движения» «Былое», выходивший в Петербурге в 1906—1907 гг. под редакцией П. Е. Щеголева и В. Я. Богучарского и, как указывалось в объявлениях, при ближайшем участии В. Л. Бурцева. Журнал значился как «внепартийный»<sup>6</sup>, но имел явную народническую ориентацию. Естественно, что тема Шлиссельбурга и шлиссельбуржцев была одной из самых важных в публикациях «Былого». На страницах журнала с воспоминаниями выступили бывшие узники крепости М. Ю. Ашенбреннер, М. В. Новорусский, В. Н. Фигнер, печатались статьи о деятельности народников в 70-е и 80-е годы. Лопатин не был активным участником издания, но его имя многократно упоминалось на страницах, освещающих революционное прошлое. Значительным фактом в этом плане стали публикации писем Тургенева Лаврову, в которых давалась характеристика Лопатина, и письма Г. И. Успенского Н. К. Михайловскому в статье А. Иванчина-Писарева «Глеб Успенский и революционеры». Г. Успенский делился с Михайловским мыслями о задуманной им повести «Удалой добрый молодец». «Повесть, которую я пишу, — автобиография, но не моя личная, а нечто вроде Лопатина. Чего он только не видел на своем веку! Его метало из губернаторских чиновников в острог на Кавказ, с Кавказа в Италию, прямо к битве под Ментоной, потом в Сибирь на три года, потом на Ангара, по которой он плыл тысячу верст, потом в Шенкурск, в Лондон, в Цюрих, в Париж. Он видел все и вся. Это — целая поэма. Он знает в совершенстве три языка, умеет говорить с членом парламента, с частным приставом, с мужиком, умеет сам притворяться и частным приставом, и мужиком и в то же время может войти сейчас на кафедру и начать о чем угодно вполне интересную лекцию. Это — изумительная натура. Я и думать не могу охватить все это, но уголок я постараюсь взять в свою власть»<sup>7</sup>.

Повести Г. Успенский не написал, но опубликованная в 1907 г. эта сжатая и яркая характеристика Лопатина, хорошо известная в настоящее время, вместе с отзывом о нем Тургенева, очерком о Лопатине Н. Кудрина (Н. Русанова) в «Галерее шлиссельбургских узников», воспоминаниями М. Р. Попова, А. Иванчина-Писарева, М. Ю. Ашенбреннера, М. В. Новорусского, А. Н. Баха были первыми рассказами в легальной русской печати о деятельности Лопатина — легендарного героя революционного движения 70—80-х годов.

Но в то время, как росли признание и популярность Лопатина, жизнь его «на свободе» в первые годы после освобождения складывалась трудно.

Из Шлиссельбурга Лопатин вместе с товарищами был переведен в Петропавловскую крепость, а оттуда отпущен к брату В. А. Лопатину в Вильно. «...Правительство не пожелало отпустить его совсем „в чистую“, а удержало в руке прикованную к его ноге цепь; в предъявленном ему документе значится: „вследствие временного расстройств этапных путей в Сибири, куда ссылается на 4 года с ли-

шением всех прав состояния ссыльнопоселенец Лопатин, разрешается ему прожить это время ожидания восстановления путей в городе Вильне, за поручительством его родного брата В. А. Лопатина»<sup>8</sup>, — писал Лопатин в автобиографии. И хотя впоследствии Лопатин так и не был выслан в Сибирь, а жил преимущественно в Видно, «привязанную к ноге цепь» он ощущал постоянно. Как показывают публикуемые в сообщении Л. С. Пустильник документы Департамента полиции, за Лопатиным была установлена строгая слежка, а потому каждый переезд, каждая поездка в Петербург и другие города требовали специальных разрешений, переговоров в Департаменте полиции. Почти три года прожил Лопатин в России после освобождения из крепости, и все эти годы он жил, опасаясь внезапного ареста, ссылки, нового заключения.

«Что Вам сказать о моей здешней жизни? — писал Лопатин В. Н. Фигнер 16 марта 1906 г. — Главное отличие ее от шлюшинской состоит в том, что я читаю газеты, веду бесцензурную переписку с кем угодно и хожу без конвоя по улице. Общественная жизнь и деятельность для меня закрыты (...) уехал бы куда-нибудь, да нельзя. Даже посетить сестер в Тифлисе не могу. Дурново любит меня так же серьезно, как и Вас, и, трепеща за мое благополучие, ни за что не соглашается пустить меня на Кавказ»<sup>9</sup>. Правда, летом Лопатин получил разрешение на поездку к сестрам, а позже — на поездку в Петербург. В. Н. Фигнер писала В. Д. Лебедевой 2 ноября 1907 г.: «Герману Александровичу сестра, из Одессы приезжавшая, устроила пребывание в Петербурге, и он отдыхает тут душой от всех скорбей и обид»<sup>10</sup>. Поездки в Петербург были нужны Лопатину прежде всего для медицинских обследований. В прошлом, в «первой» своей жизни, человек необычайной физической силы, «удалой добрый молодец», каким его знал Г. Успенский, Лопатин вышел из Шлиссельбурга больным человеком. Двадцать один год пребывания в крепости (почти три года после ареста до суда в 1887 г. — в Петропавловской и восемнадцать лет в Шлиссельбурге), естественно, заметно ослабили его богатырское здоровье, и не только физически. Более всего мучила его неврастения — абulia, — о чем он постоянно с тревогой писал сестре, Л. А. Мартыновой. Лопатин в «первой» своей жизни был человеком активного действия. Он мог, прочитав в утренней газете, что «Гарибальди бежал с Капреры и идет на Рим», в тот же день покинуть Петербург и «поскакать в Италию»<sup>11</sup>. Мог решиться на беспрецедентное по смелости похищение П. Л. Лаврова из ссылки и не менее смелый план «похищения» Н. Г. Чернышевского из Сибири, мог трижды бежать из Иркутской тюрьмы, совершить удивительные по мужеству и находчивости переходы через ангарские пороги, мог решиться приехать в Россию в 1883 и 1884 гг., чтобы один «собирать рассыпанную храмину» — партию «Народная воля» и выполнить «чудовищную для единичной личности задачу»<sup>12</sup>.

В своем письме генерал-губернатору Восточной Сибири Н. П. Синельникову 15 февраля 1873 г. он так характеризовал себя: «Я привык вращаться в кругу людей науки и мысли, я привык к библиотекам, новым книгам, свежим журналам и газетам; я привык толкаться в самом водовороте умственной и политической деятельности; я привык к жизни, полной сильных, ярких впечатлений, наполняющих и ум, и сердце до того, что в них не остается, кажется, ни одного свободного уголка, — после всего этого бесцветное и вялое существование в Иркутске сводило меня с ума и казалось мне простым продолжением тюремной жизни»<sup>13</sup>. Как же сводило его с ума одиночное заключение в Шлиссельбурге!

Душу давит гнет свинцовый,  
Тяжело и больно —

писал он в одном из своих «шлюшинских» стихотворений<sup>14</sup>.

Он выдержал, благодаря огромной силе воли и интеллекта, колоссальному запасу «духовности», присущему ему насмешливому, ироническому складу ума<sup>15</sup>. Разумеется, помогали и особые отношения, возникшие между заключенными Шлиссельбурга. Об этом размышляла В. Фигнер накануне выхода из крепости: «В течение 20 лет эти люди были единственными, с которыми я состояла в отношениях равенства и солидарности, любви и дружбы. От них одних я получала поддержку,

утешение и радость. Весь мир был для меня закрыт, все человеческие связи порваны, и они, только одни они, заменяли мне семью и общество, партию, родину и все человечество. Неповторяемые обстоятельства связывали нас неповторяемыми узами!»<sup>16</sup>

Но Лопатин не мог оставаться прежним Лопатиным после Шлиссельбурга. «...Они слизнули у меня жизнь»<sup>17</sup>, — признался он в одном из писем к родным, которое так поразило умирающего Лаврова. Несколько оправившись за границей, он писал сестре 2 мая 1909 г.: «Телом я, конечно, здоров и силен (головокружение, печень и т. п. — чистые пустяки). Но моя неописуемая неспособность. Мой неодолимый страх ко всякому почину, даже в пустяках, заставляющий меня нуждаться в чужой опеке, мое вечное недовольство собою, вечное мучительное самоугрызение, не ведущее к исправлению, — все это болезнь, и очень мучительная»<sup>18</sup>.

Лопатин предпринимал серьезные попытки, чтобы выйти из круга недугов и болезней, преодолеть запреты, найти свой путь к общественной жизни. В конце 1907 г. был закрыт журнал «Былое», последний — двенадцатый — номер которого имел заглавие: «Исторический сборник». Вместо него с начала 1908 г. стал выходить журнал «Минувшие годы», который значился как «внепартийный исторический и историко-литературный журнал». Список его участников был более обширным и пестрым, нежели в «Былом». Очевидно, «внепартийностью» платформы можно объяснить, что на его страницах печатались кадеты (Ф. И. Родичев, П. Н. Милуков), эсеры (Н. С. Русанов), народники (М. Р. Попов, Н. А. Морозов, А. Иванчин-Писарев, М. В. Новорусский, В. Н. Фигнер и др.), беспартийные ученые (Ф. Д. Батюшков, Н. И. Кареев, М. К. Лемке, В. О. Ключевский, Е. В. Тарле), писатели (А. Белый, В. Брюсов, Д. Н. Мережковский, М. О. Гершензон). Участвовали в журнале и социал-демократы: большевики (В. Д. Бонч-Бруевич, М. С. Ольминский — они не были объявлены) и меньшевики (Н. И. Иорданский). Издателем журнала считался Н. В. Мешков, а фактическими редакторами оставались П. Е. Щеголев и В. Я. Богучарский.

Среди участников издания значился и Лопатин и не просто значился, но достаточно активно в нем сотрудничал. В первых двух номерах журнала Лопатин выступил как переводчик писем Маркса и Энгельса к Н. Ф. Даниельсону, завершавшему в 1870 г. перевод «Капитала» на русский язык. Как известно, после неудачной попытки Бакунина сделать перевод «Капитала» в 1870 г. за эту работу взялся приехавший тогда в Лондон Лопатин<sup>19</sup>. Даниельсон вспоминал, что Лопатин рассчитывал «в трудных случаях на помощь Маркса, с которым он познакомился и с которым у него установились вскоре очень близкие и сердечные отношения». Любопытно свидетельство Даниельсона о характере общения автора и переводчика: «Принявшись за перевод „Капитала“, Г. А. Лопатин во многих случаях для выяснения себе облика цитируемого Марксом писателя, отправлялся в библиотеку Британского музея и там по подлиннику знакомился с тем или другим из авторов, на которых ссылался Маркс. Ему случалось подмечать у этих авторов еще большую путаницу понятий против той, которую отмечал у них Маркс. В таких случаях Маркс принимал замечания Г. А. Лопатина к сведению и делал соответственные добавления»<sup>20</sup>.

Впервые было освещено в русской легальной печати участие Лопатина в переводе «Капитала», книги, с изданием которой в 1872 г. «имя К. Маркса становится действительно популярным в России»<sup>21</sup>. Лопатин же — «наш общий друг», как называли его Маркс и Энгельс, — многократно упоминался и в опубликованных письмах. Дело в том, что в 1870 г. Лопатин прервал работу над переводом и вернулся в Россию, имея целью освобождение Чернышевского. Маркс узнал об его аресте в Иркутске и с тревогой спрашивал о Лопатине Даниельсона, который продолжил перевод «Капитала». «Здесь получены самые тревожные известия о нашем „общем друге“, но я надеюсь, что они окажутся ложными или, по крайней мере, преувеличенными»<sup>22</sup>, — писал Маркс 22 июля 1871 г.

28 мая 1872 г., узнав о побеге Лопатина, Маркс признавался: «Известия, сообщаемые вами о нашем общем друге, очень обрадовали меня и мою семью: есть мало людей на свете, которых я так люблю и так уважаю». Однако вскоре Лопатин

тин вновь был арестован, и Маркс беспокоился и постоянно спрашивал Даниельсона о «судьбе нашего милого „общего друга“» и даже собирался «помочь ему путем дипломатического вмешательства из Константинополя»<sup>23</sup>.

Во втором номере журнала «Минувшие годы» печатались письма Энгельса Николаю-ону (Н. Ф. Даниельсону) и отрывки из писем Маркса и Энгельса к Зорге, Больте и другим также в переводе Лопатина. В письмах Энгельса — тревожные вопросы о Лопатине, который был арестован в октябре 1884 г. и в 1887 г. приговорен к смертной казни. До Энгельса дошли эти «печальные сообщения», и он просил Даниельсона «доставить тем или иным путем какие-нибудь подробности относительно постигшего его несчастья» (п. от 5 янв. 1888 г.). 15 октября 1888 г. Энгельс писал Даниельсону: «Парижские друзья настаивают на том, что наш „общий друг“ вовсе не умер; но я не имею никакой возможности проверить их сообщения». Очевидно, до Энгельса дошли слухи о «высочайшем помиловании» — приговор к смертной казни был заменен Лопатину бессрочным заключением в Шлиссельбургскую крепость<sup>24</sup>. Письма Энгельса свидетельствуют, как мало сведений проникало из России о судьбах русских революционеров, с какими величайшими трудностями они просачивались из официальных источников. 4 июля 1889 г. Энгельс писал: «Сообщаемые вами известия о состоянии здоровья нашего „общего друга“ очень утешительны и вполне согласны с тем, что мы слышали из других источников. Человек с такой несокрушимой натурой, наверное, преодолеет все испытания, а потому мы можем не терять надежды в один прекрасный день снова увидеть его здесь в полной силе его прежнего, юношеского здоровья»<sup>25</sup>.

Обращает на себя внимание публикация в третьем номере журнала «Н. Г. Чернышевский в Вилуйске», подписанная NN, в которой приведены важные архивные документы о пребывании Чернышевского в Вилуйске и о попытках его освобождения, предпринятых Лопатиным и И. Н. Мышкиным. Примечания к статье сделаны Лопатиным. Очень лаконичные, они передают не только внешние события и факты, в них субъективное, лопатинское «присутствие», его личные воспоминания и пояснения, дополняющие и углубляющие материал статьи. Так, в примечании 1 сообщается об унтер-офицере Ижевском, который знал Лопатина по Иркутску и который был переведен позже в Вилуйск для наблюдения за Чернышевским: «Самым первым был послан туда именно Ижевский, относившийся к Лопатину с пылкой ненавистью за учиненный им побег и чуть не зарубивший его при задержании (об этом когда-нибудь после). По-видимому, часть этой ненависти, выразившейся в грубости обращения, он перевел и на Чернышевского, зная духовную связь этих двух лиц». Или примечание 2: «Адъютант иркут(ского) жанд(армского) правления, штабс-капитан Зейферт имел при себе двух жандармов для Чернышевского и одного собственнo для себя, в качестве денщика или вестового, как он сам говорил потом Лопатину»<sup>26</sup> и т. п.

Участие в журнале «Минувшие годы» было важным занятием Лопатина, дававшим к тому же и некоторый заработок, обстоятельство немаловажное, имея в виду трудное материальное положение Лопатина.

Весной 1908 г. он оказался втянутым в организацию новой газеты. Судя по всему, речь идет о «еженедельной литературно-общественной и политической газете» «Голос народной правды», первый и единственный номер которой вышел в Петербурге 13 апреля 1908 г. 18 апреля Лопатин писал сестре: «Пусть мое имя на газете не вводит тебя в заблуждение: от редакции я отказался наотрез, несмотря на уговоры, чуть не мольбы, и хотя эту газету и прославили здесь *моей*, ни одной моей статьи тут нет; я дал только имя и подавал добрые советы. Втайне рад, что ее захлопнули с первого же номера, так много крови она мне испортила и я так страшился быть скомпрометированным в будущем, ибо ужасно нынче трудно удерживать многих „бывших людей“ от бестактных *антилевых* выходов»<sup>27</sup>.

Занятия журналистикой до известной степени скрашивали тяготы повседневной жизни Лопатина, но состояние его здоровья внушало серьезные опасения и близким, и ему самому, угнетала и постоянная жандармская слежка. Возникла мысль о необходимости отъезда Лопатина за границу.

Об этом стали хлопотать его родственники. Хлопотал и сам Лопатин<sup>28</sup>. «Быть может, было бы действительно лучше попроситься за границу и там прийти в себя как следует», — писал он брату В. А. Лопатину 2 мая 1908 г. из Петербурга, но его тут же останавливала мысль о предстоящих невеселых хлопотах: «...нужно сойтись с духом и обратиться лично к М(акарову), а для меня это сейчас — нож вострый. Затем ради успеха нужно бы представить медицинское свидетельство (...) Нужны и другие предварительные меры и решения, требующие тоже ходьбы, переговоров и пр. ... Материальные соображения тоже заставляют меня почесывать в голове»<sup>29</sup>.

И все же Лопатин сам добыл себе разрешение на отъезд за границу. И с присущей ему живостью и красочностью описал свои хлопоты в письмах В. А. Лопатину и Л. А. Мартыновой.

В письме от 6—14 мая 1908 г. он сообщал брату: «Зашел сегодня к М(акарову). Спрашиваю: будет ли принимать в среду 14-го (царский день), а если нет, то не поздно ли будет начать хлопотать в среду 21-го? Говорят: „да он уезжает послезавтра в отпуск недель на шесть“. — Кто же будет вместо него? „Трусевич“. Я чуть не упал в обморок... Поди и тебе известно это имечко?!.. Говорю: не примет ли он меня сегодня, хотя и не записан? Справились. Говорят: можно. Попал предпоследним. Говорю: разрешите мне житье здесь без определения в сроке впредь до поступков (худых). Потолковали. Говорит: „справлюсь, если не окажется худых отзвонков, пожалуй, разрешу, но, конечно, лишь словесно, как Лукашевичу. Бумажка у Вас есть?“ Есть, вот она. Взял и начертал нечто. — Говорю: во-вторых, отпустите меня за границу. „Этого не могу. Не в моей власти. И против закона“. — А как же отпустили Веру и Фрола? — „Они уехали сами: одна из Финляндии, другой не помню откуда“. — А вот и неправда! — „Как неправда?“ — Так что Вы сами отпустили их. Рассказываю подробности. „Ну, Вы говорите так уверенно и обстоятельно, что придется навести справки, а на память, ей-богу, не помню ничего подобного и всегда считал их улизувшими тайком. Справлюсь, справлюсь, но ничего не обещаю“. На том и покончили\*. Спрашиваю полушутя у Вия (которому он позвонил тотчас после моего ухода и долго продержал): „Надеюсь Вы не дадите обо мне худых справок, когда обратятся в Ваш департамент?“ А он: „Нет, нет, нет“, — но говорит вяло, спрятав лицо в бумаги и избегая смотреть в глаза. Прежней любезности, сердечности, радушия, услужливости — ни следа. Пусть бог простит мне, но мне кажется, что он говорит про себя: „Неблагодарное животное! Вот она пасха; мог бы, кажется, купить серебряный портсигар рублей в 20 и 30, вложить в него пару четвертных и поднести своему доброжелателю...“ Одним словом, побаиваюсь я его, и вообще, как видишь, положение мое по-прежнему не особенно завидное»<sup>30</sup>.

Через день, 16 мая, Лопатин писал брату: «Вчера заходил в Департамент сердцеведения и узнал, что мне разрешен выезд за границу и, по-видимому, бессрочное проживание здесь до выезда. Подробный анализ фактов и мои соображения по их поводу опускаю по тысяче причин. Конечно, я был если не рад (я забыл это чувство), то доволен услышать это, но лишь на секунду. Затем, как неисцелимый неврастеник, я предался всяким размышлениям — когда, куда и как ехать? Где и как поселиться? и т. д. Затем стал терзаться мыслями о предстоящих хлопотах с паспортом, с устройством денежных дел и необходимыми покупками и приготовлениями и т. д., и т. п.»<sup>31</sup>. Аналогичное письмо было отправлено в тот же день Короленко (см. сообщение Л. С. Пустильник).

Но, естественно, Лопатин начал уже всерьез думать об отъезде. Он хотел ехать в Ниццу. Однако предполагаемый его маршрут менялся, уточнялся, о чем он 29 мая сообщал брату. П. Е. Щеголев от журнала «Минувшие годы» Лопатину предлагал оплатить проезд до Стокгольма, с тем чтобы он попытался разыскать там важные бумаги, в частности и его собственный архив.

Однако планы Лопатина едва не потерпели крах. Письмо к брату от 29 мая он не закончил и продолжил его 1 июня. «Тут был перерыв на двое суток вслед-

\* Внизу письма приписка Лопатина: «Причем, я подложил вторую бумажку, на которой он тоже что-то чертил».

ствие неожиданно свалившегося на меня удара, принудившего меня два дня тревожно метаться по городу из конца в конец. 30-го утром получаю приглашение явиться в участок. Старого пристава, знающего меня, и доброжелательного полковника — нет, он в отпуске. Помощник его — сухой, тупой и нелюбезный бурбон, категорически заявляет: „Завтра оканчивается срок разрешенного Вам отпуска; потрудитесь выехать из СПб.“.— „Но мне разрешен выезд за границу, о чем Вы должны были объявить мне. В ожидании этого объявления я не собирался. Мне нужно не меньше трех недель для устройства моих денежных дел. Мне некуда и не на что выехать“.— „Мне до этого нет дела, а о загранице мне ничего не известно. Не выедете добром, примем надлежащие меры“». Далее Лопатин описывал свои двухдневные хождения в канцелярию градоначальника, Департамент полиции, где узнал, что разрешение на выезд за границу было дано 15 мая, но прислано в другой участок; в охранное отделение, куда никто не допускался, и Лопатин «растолковывал свое дело» одному из шпииков, толпившихся около отделения, затем снова отправился в участок. «Подумай только: двое суток мыкался я из конца в конец с 9 утра буквально до ночи (дважды являлся в участок около 11 вечера),— заключал он свой рассказ.— Сколько тут перечувствовано тревог, опасений, первого напряжения, утомления, брезгливости, отвращения, физической усталости,— этого не рассказать! И как трудно было положение! Выручали: способность импонировать собеседнику, великому и малому, находчивость, такт, настойчивость и т. п. таланты, просыпающиеся во мне, когда неминуемая беда заставляет меня забывать на время о моей невзвестности»<sup>32</sup>.

2 июня Лопатин писал сестре, Л. А. Мартыновой: «Вчера и сегодня по случаю Троицы и Духова дня стояло перемирие; но завтра снова начнется борьба, беготня и хлопоты. Я надеюсь на успех в той или иной степени, но наверное ничего нельзя сказать»<sup>33</sup>.

Тем не менее 3 июня заграничный паспорт был получен. Начались приготовления к отъезду, окончательное уточнение маршрута. Л. А. Мартынова просила Лопатина ехать в Ниццу через Одессу, с тем чтобы они могли повидаться. Лопатин отказался — и не только по соображениям материального характера. «После отъезда Макарова,— писал он сестре 13 июня,— каждый день пребывания здесь дается мне ценою упорной, жалкой борьбы, издержавшей мне все первые, такой же борьбы, и, быть может, осужденной заранее на неуспех, потребовало бы каждое изменение в моих планах и маршруте»<sup>34</sup>.

И все же незадолго до отъезда Лопатин совершил некоторые незапланированные поездки. Он уехал из Петербурга после 21 июня и в одном из южных городов встретился с Л. А. Мартыновой. Потом он писал ей открытки из Винницы (5 июля), затем из Вильно (8 июля). 10 июля он был в Гомеле, где виделся с племянницей З. А. Лопатиной. 11 июля вернулся в Вильно к брату. На двух его открытках от 14 июля стоит пометка «Вержболово». Это день его отъезда за границу: 14/27 июля 1908 г. Он торопился уехать. «Очень уж мне тут скучно и неудобно, а главное — опасаясь какого-нибудь нового подвоха со стороны Малыша (*un petit officier bleu* \*),— писал он сестре в этой последней открытке из России.— Мой папиросник говорит вчера мне: „позавчера трое голубков лежали вон за тем забором, наблюдая вон за тем домом. Пошел дождь, им принесли шинели. Думаю, что за притча? Кого им нужно? А потом вижу вчера, что Вы идете под руку с барышней, значит, вернулись. Тогда все стало понятно“. У ворот торчит все время какая-то богомерзкая (...) морда. Да и сейчас вижу, как по двору ходит голубок во всей амуниции и заглядывает в окна. Противно. Да и, пожалуй, Малыш опять начнет доносить о моих прощальных визитах и придется вновь объясняться. Ну их к черту!»<sup>35</sup>

На следующий день Лопатин был в Берлине. Его очередная открытка сестре датирована 15/28 июля и подписана: «Герман Вольный».

\* маленький голубой офицер, маленький жандарм (фр.).

Начался новый, заграничный период жизни Лопатина. Но, как это видно из публикуемых жандармских дел о Лопатине, он сразу был передан под наблюдение заграничной русской охраны.

## II

Лопатин, как уже говорилось, предполагал ехать в Ниццу и 16/29 июля был в Париже. Однако следующее письмо к сестре он писал по пути в Лондон, куда приехал 21 июля/3 августа. «Не спрашивай (...) почему я уклонился с прямого пути к теплому морю. Ведь и по дороге из СПб. к границе я не мало уклонялся в стороны, такой уж я „уклончивый“», — шутивно писал он сестре. Вернувшись из Лондона в Париж и пробыв там несколько дней, Лопатин наконец 14/27 августа отправился в Ниццу. Ницца не понравилась Лопатину, и 9/22 сентября он писал сестре о своем намерении перебраться в Италию. 24 сентября/7 октября Лопатин сообщал сестре уже из Кави: «Я устроился здесь, как в земном раю. И что же? Меня немедленно стали бомбардировать призывами в Париж по крайне неприятному делу! Сегодня даже деньги выслали на дорогу. Отписывался, но тщетно... Бешусь, ругаюсь, но... поеду». О том же в тот же день он писал и Короленко.

За переездами Лопатина в Париж, Лондон, снова в Париж, Геную, Бретань, Нерви, Сестри, поездками в Швейцарию трудно проследить. Чаще всего он ездит в Париж. Но не только туда. 14 августа 1909 г. он писал сестре: «Вчера вернулся из нового 10-дневного путешествия... Побывал на берегу Атлантического океана и мало ли еще где (...) утомился страшно и должен был отказаться от новой поездки на юг Италии, пока не отдохну и не справлюсь со ждавшей меня корреспонденцией... Подумай только, где я не побывал за этот год и жил ли я хоть два месяца сподряд на одном месте!»<sup>36</sup>

3 января 1910 г. он сообщал: «Между 10 и 17 декабря целую неделю жил в поездках»<sup>37</sup>.

Так в разъездах проходила его жизнь за границей. И, естественно, поэтому Лопатин ценил возможность побывать в Кави ди Лаванья, где он поселился сначала у Г. Петрова, а затем в доме Амфитеатровых.

«...Как он чувствует красоту!» — восклицал Горький в письме к Амфитеатрову, делясь с ним своими впечатлениями о Лопатине (Г—А, п. от декабря, не ранее 9-го, 1909 г.). Чувством красоты исполнены картины кавийской природы в письмах Лопатина к сестре. Окрашенные присущей ему самоиронией, они живы, теплы, лиричны.

«Знаешь ли, что я больше всего ценю в той окружающей меня красоте, которой ты так завидуешь? — писал он сестре 2 декабря 1908 г. — Ее *легкодоступность* без всяких приготовлений и усилий. Сажу я, например, в своей комнате (не оклеенной обоями, а с потолком и стенами, расписанными *al fresco*). Сажу в удобном кресле и читаю „Р(усское) бог(атство)“. Отвожу глаза в окно и вижу раскаленное докрасна солнце, опускающееся в море, а внизу, под окнами кусты, усыпанные розами, камелиями, а деревья — апельсинами и лимонами. «Красо»<sup>3\*</sup> та дивная. Но, чтобы любоваться ей, мне не нужно ехать на острова или на пикник, не нужно снимать лапсердака и туфель, — вот, что дорого. Настает ночь; встает луна; в том же лапсердаке и туфлях я выхожу со двора и бреду по направлению к ближайшему городку (Sestri, Levante). Слева у меня утесы и скалы, увенчанные пиниями (здешняя сосна) и оливковыми рощами, справа — море, залитое лунным светом бьющее иногда пенистыми белыми волнами в крутой берег и даже заплескивающее иной раз чудное, ровное шоссе, по которому я бреду (...) Встречаются оборванные рабочие обоего пола и поют (...) отрывки из опер! ...Идет куча мальчишек и свищут марш Торреадора, причем каждый свищет свою партию».

Очень понравился Лопатину и гостеприимный дом Амфитеатрова; «(...) в этом доме ценят и любят радость: цветы, музыку, живопись и пр., что отражается на всем житейском обиходе. Например, стол всегда уставлен живыми цветами,

<sup>3\*</sup> Обрыв текста (ред.).

а стены украшены гирляндами курьезной зелени или целыми деревьями (<...> Музыка каждый вечер» (п. от 27 марта 1909 г.).

В письме от 2 апреля 1909 г. Лопатин дал общую картину жизни в Кави, объединив в своем описании и картины природы, и уклад, и быт амфитеатровского дома: «Но и в плохую погоду Кави для меня лучшее из всех испытанных мною мест. Ведь даже в дождь и бурю под самым моим окном, прямо перед глазами расстилается море, высятся горы, зеленеют и цветут сады и пр. Едва проглянет солнце, я могу — в фуфайке и туфлях, без шапки, совсем по-домашнему — брести, куда глаза глядят. И везде-то теперь цветы и ароматы. А нельзя выйти — так все стены моей комнаты, так же как и соседнего кабинета хозяина, уставлены с полу до потолка книгами на разных языках... Не скучно! В доме получаются „Речь“, „Наша газета“, „Русские ведомости“, „Одесские новости“ и „Киевская мысль“, а из журналов „Русское богатство“, „Образование“ и „Современный мир“. Довольно? Пусть Кави деревня в глуши, но почту раздают здесь четыре раза в день, а газеты из СПб., Москвы, Одессы и Киева доходят втрое, четверо суток. Не худо. А главное, какая ни будь погода, тебе не нужно тащиться 2, 3 раза в день в харчевню по грязной слякоти! Хозяева и сожители радушны, но ни капли не навязчивы. Спустишь я вниз к столу или на музыку — мне рады. Сижу у себя, никто не постучит в мою дверь иначе, как по *моему* делу (всего чаще почта). Прислуга приветлива. У сожителей милые характеры. Хозяйка — талантливая певица. С(ергей) И(ванович) — талантливый пианист, есть и еще один, не менее талантливый... Музыка каждый вечер, но никто не обижается моим довольно обычным отсутствием. Как видишь, — не легко найти лучшее место для неврастеника пожилых лет»<sup>38</sup>.

Для нас описание Лопатиным Кави и дома Амфитеатровых интересно вдвойне: во-первых, потому, что там бывал Горький, и живой рассказ Лопатина передает в подробностях то, что видел и знал Горький. Во-вторых, эти описания помогают нам понять самого Лопатина, немолодого, больного человека — «неврастеника пожилых лет», как иронически он себя называет.

Замученный разъездами по тяжелым, неприятным делам, нахолодавший в Париже и Лондоне, Лопатин не мог не ценить тепло, уют и покой амфитеатровского дома, где он мог жить «сыто и пьяно». Вот прямое признание. Оставшись однажды один в доме («Амфитеатров укатил во Флоренцию», его жена — в Петербург), Лопатин пишет сестре, что поехал бы в Париж, но «когда подумаю о нищенствующей эмиграции, о бездельничающих, скучающих посетителях, а особенно о холостяцком существовании с мелкими житейскими заботами, то мне делается страшно, и я продолжаю прозябать здесь» (п. от 27 окт. 1909 г.).

Ну, а хозяева? Конечно же Лопатин не мог не быть благодарным Амфитеатровым за гостеприимство, «за сугрев и ласку». Уезжая из Кави, позже из Феодан, он писал Амфитеатровым обстоятельные письма, а оставаясь в доме на время отъезда хозяев в Париж или Германию, давал почти ежедневно отчеты о состоянии домашних дел.

Но, зная Маркса, Лаврова, Тургенева, Успенского, Фигнер, Лопатин не мог не понимать, что Амфитеатров человек другого ранга. Иные характеристики Лопатина спокойны: Амфитеатров для него «зрелый собеседник»<sup>39</sup>, подчеркивает он в письме к сестре. Зрелый, т. е. человек, с которым можно поговорить о важных делах, поговорить и поспорить. Отголосок одного из серьезных споров звучит в письме к сестре от 2 декабря 1908 г., хотя Лопатин всячески избегает в письмах в Россию касаться политических вопросов. Поехав в качестве корреспондента «Нашей газеты» на Балканы, Амфитеатров присылал в газету статьи о Боснии, требующие от русского правительства защиты интересов славянского народа. Лопатин же анализирует события в Боснии совсем с других позиций: «Ведь если говорить даже только о национальной свободе, то с каким лицом мы можем приглашать наших соотечественников помогать по этой части боснякам при нынешнем положении у нас в России армян, поляков и в особенности евреев?! Да и гражданская свобода угнетенных босняков выше свободы господствующего племени на Святой Руси, так как же не нарваться тут на возражение: „да вы (обрыв бумаги. — Н. Д.)

сначала о самих себе, устраните собственное внутреннее рабство и завоюйте свободу для самих себя <...>“ Потом я должен сказать тебе, что все симпатии мои на стороне Турции (конечно, молодой), и мне больно, что несвоевременные националистические движения искусственно раздуваются австрийским и русским правительствами, чтобы помешать укрепиться новому порядку и обогатить Турцию в момент ее слабости вследствие внутренней революции... Одно время я даже подумывал уехать в Константинополь, чтобы посмотреть и пережить все вблизи; но меня удержала мысль, что незнание языка принудит меня смотреть на все *чужими* глазами». И не случайно, что далее Лопатин критически отзывался о деятельности Вас. Немировича-Данченко, не знавшего ни японского, ни китайского языков, в качестве корреспондента на русско-японской войне и размышляет о легких и огромных — от 1500 до 2000 рублей — месячных заработках корреспондентов газет Амфитеатрова, Дорошевича, того же Вас. Немировича-Данченко. Возможно, поэтому далее следовало приведенное выше рассуждение о «легкодоступности» красоты кавийской природы, примиряющей его с хозяевами дома <sup>40</sup>.

Иногда характеристики Лопатина добродушно ироничны: «Оба Амфитеатровы щедрый, как воры, пока есть хоть копейка в кармане. И. В. очень практичная, предприимчивая, деловитая женщина, но в то же время великая мотовка, очень любит дарить, угощать...» «„Он“ дорожит во мне присутствием взрослого, умного, образованного человека, с которым можно обменяться мыслями в этой пустыне. „Она“ — дорожит во мне человеком, улаживающим ее мужу его пустынное существование» (п. от 6 апр. 1910 г.).

Зная, что сестра «недолюбливает» Амфитеатрова, Лопатин нередко указывает на «бескорыстие» хозяев в отношении к нему: «Мне кажется <...> что я им *направлюсь*» <sup>41</sup>.

Несомненно более теплыми были отношения Лопатина с И. В. Амфитеатровой. «Король-женщина», — называл он жену Амфитеатрова в одном из писем. В этой оценке он расходился с Горьким, какое-то время очень расположенным к Амфитеатровым, но к 1911 г., после разрыва с «Современником», изменившим к ним свое отношение. «А<лександр> Валентинович — человек слабой воли, усталый человек, Илларию же — лицо злое. Она никого не любит, не умеет любить... она, в сущности, очень несчастная» <sup>42</sup>, — писал он Е. П. Пешковой.

Много лет спустя Горький скептически оценит отношение Лопатина к Амфитеатровым: «Герман Лопатин весьма щедро одарил людей своею дружбой» (XXIV. 276).

Судя по письмам, Лопатин не очень высоко ставил Амфитеатрова как писателя. Его проницательный ум отметил весьма характерную черту Амфитеатрова-фельетониста. В ответ на тревогу сестры, не использует ли Амфитеатров в своих фельетонах мысли Лопатина, он писал: «Амфитеатров не из тех людей, которые не отдадут свои произведения под чужую редакцию, но невозможно, чтобы в писаниях фельетониста не отражались его беседы и отношения с окружающей его средой. Сам я, — добавлял Лопатин, — его почти никогда не читаю, ибо неохотно трачу время на провинциальные газеты» <sup>43</sup>. Лопатин, возможно, редко читал и книги Амфитеатрова, которые ему дарил автор. Получив от Амфитеатрова очередной его роман «Дочь Виктории Павловны», Лопатин признавался, что прочел «не более трети» и что ему очень мешают «вымышленные, старинные, имена местностей: город Рюриков (Ярославль?) <...> река Осна (Цна?) — черт знает — в какой земле проживают и блудодействуют Ваши персонажи <...> Серьезные профессиональные литераторы ценят у Вас главным образом публицистику, относясь сравнительно равнодушно к беллетристике, а „читатель“, особенно женского пола, обожает больше Ваши романы, причем особенно подхваливает Вашу триаду „Паутина“, „Аглая“, „Раздел“» <sup>44</sup>.

Отношения Лопатина и Амфитеатрова были не такими «идиллическими», как это может показаться на первый взгляд и как это хотел представить Амфитеатров, хотя длились они до конца жизни Лопатина.

Лопатин признавался сестре: «...меня тянет туда (в Кави. — Н. Д.), хотя и там не все золото» <sup>45</sup>.

В октябре 1910 г., после длительного лечения у доктора Залманова в Bogliasco, Лопатин поселился вновь в доме Амфитеатровых, но уже не в Кави, а в Феццано, куда они переехали. Теперь он имел возможность более длительно находиться в одном месте. И все же Лопатин не мог жить безвыездно в Феццано. Он часто выезжал в Париж, летом встречался с братом Всеволодом, и они вместе уезжали в Швейцарию: в Берне была похоронена дочь В. А. Лопатина, и он ежегодно туда приезжал. Вместе с братьями иногда путешествовал и Н. Ф. Даниельсон (Фриц), старый друг Лопатина. О характере их путешествий можно судить по одной из многочисленных открыток, которые Лопатин писал сестре, Амфитеатровой, М. П. Негрескул.

«Твоя открытка, милая Люба, догнала меня здесь, на вершинах Альп, куда я прибыл вчера, в разгар снежной выюги (это 1 июля!). Нам с Фрицем не захотелось ехать 20 верст под землю, и мы предпочли перейти через Симплон пешком, сделав эту путину (в 50 верст) в 12 часов, с одним часовым отдыхом на самом перевале, у монахов. Для юношей в 65 лет это недурно, — не правда ли? Но вот беда: во все продолжение нашего похода шел *непрерывный* дождь, и я стер себе мокрыми чулками обе ноги до крови. И вот сижу, гляжу на Matterhorn, щелкаю зубами и думаю: как это я буду подниматься завтра на заре на Gornerhorn»<sup>46</sup>.

В открытке Амфитеатровым летом 1911 г. сообщал, что едва не погиб под снежной лавиной. Но, очевидно, эти поездки в Альпы помогали Лопатину на время забывать о своей болезни, о трагических историях, ждущих его в Париже, — об этом речь пойдет дальше. А встречи с братом приносили ему вести из России, о которой он не переставал думать.

### III

По письмам Амфитеатрова Горькому можно предположить, что именно Амфитеатров познакомил Горького и Лопатина. Это верно лишь отчасти. Интерес к Лопатину, возбужденный рассказами о нем Амфитеатрова в письмах и при встречах, был у Горького большой. Но и Лопатин стремился встретиться с Горьким. Когда, приехав в Ниццу, он взвешивал все «за» и «против» его переезда в Италию, перевесили доводы в пользу Италии. И самый серьезный — возможность встречи с Горьким. «Там я надеюсь встретить некоторых интересных людей (Горького, Шалипина и иных). Если бы это было достоверно, я бы, пожалуй, не колебался, но боюсь, что они явятся поздно»<sup>47</sup>, — писал он сестре.

В Шлиссельбурге Лопатину, вероятно, удалось прочитать некоторые произведения Горького. По свидетельству Новорусского, за долгие годы в Шлиссельбурге была собрана довольно большая библиотека — не менее 3000 томов. «Почти все выдающиеся заграничные романисты были в полном собрании и часто на двух языках. Русских было мало. Но их легко было достать в канцелярии, откуда нам давали даже Горького, правда, после многократных просьб и заявлений. Отказы всегда аргументировались тем, что Горького не любят в департаменте»<sup>48</sup>.

В Италии Лопатин прочитал «Жизнь неуязвимого человека» и повесть «Мать», которая произвела на него сильное впечатление, о чем Амфитеатров писал Горькому 6 октября 1908 г. Лопатин даже просил С. И. Горелова, уехавшего из Кави в Россию, передать сестре «Мать» Горького, чтобы она непременно прочла эту книгу. Правда, Лопатина, так же как и В. Фигнер, больше интересовала личность Горького, потому что, как это мы увидим, общее впечатление о Горьком-писателе было у него достаточно смутным.

Что касается Горького, то нам не известно, имел ли он до встречи с Лопатиным достаточно полное представление о его личности, читал ли упоминавшиеся выше книги «Процесс 21-го», с материалами лопатинского процесса и «Заметками о Г. А. Лопатине» П. Л. Лаврова, или книгу «Галерея шлиссельбургских узников». Можно предположить, что он был знаком с публикациями журналов «Былое» и «Минувшие годы». При встрече Горького с В. Н. Фигнер, судя по ее воспоминаниям, вряд ли состоялся обстоятельный разговор о шлиссельбуржцах и о Лопатине<sup>49</sup>.

Имя Лопатина появляется в переписке Горького и Амфитеатрова в декабре 1908 г., когда Лопатин поселился в Кави. Но характерна обмолвка Горького в одном из писем: «А что, Герман Николаевич — кажется? — не захочет сюда заглянуть?»

Лопатин и предполагал встретиться с Горьким в декабре 1908 г. 10 декабря он писал сестре из Кави: «Думал поехать во Капри, завернув на сутки в Пизу, Флоренцию и Неаполь и на неделю в Рим, но остался пока здесь...» В январе 1909 г. Горький настоятельно приглашал Лопатина. Об этом Лопатин сообщил сестре 4/17 января: «Затем получаю приглашение на Капри с предложением дарового депутатского билета 1 класса туда и обратно». Сорвавшаяся в августе 1909 г. поездка «на юг Италии» (см. выше) — это опять-таки предполагавшаяся поездка на Капри.

Однако выбраться к Горькому Лопатин сумел только в конце 1909 г. 3 декабря он сообщал сестре: «Получил приглашение поехать в Неаполь, не теряя времени. Нужно обдумать все, уложиться и пр.»<sup>50</sup>

Лопатин приехал на Капри 9 декабря 1909 г. и пробыл там пять дней. Его пребывание на Капри по дням описано Пятницким в дневнике, страницы которого публикуются ниже. Записи Пятницкого свидетельствуют о том, что за эти пять дней Лопатин многократно встречался с Горьким и вел с ним долгие разговоры.

Лопатин приехал к Горькому в трудный для писателя период: Каприйская школа переживала тяжелый кризис. Наметились серьезные расхождения Горького с Лениным, с одной стороны, Луначарским и Богдановым — с другой. Для него встреча с Лопатиным — революционером, бунтарем, талантливейшим русским человеком — была необычайно важной. Она утверждала его веру в огромные возможности русского человека. Отсюда — такой восторг, такая «невоздержанность» и «неумеренность» в отзывах Горького о Лопатине тотчас после встречи с ним. Его характеристики Лопатина в письмах Амфитеатрову, Сулержицкому, Е. П. Пешковой очень близки тем, которые давались Лопатину его великими друзьями в прошлом — Марксом, Энгельсом, Тургеневым. Чутьем художника Горький угадал «задатки гениальности» Лопатина.

Что касается Лопатина, то на него первая встреча с Горьким произвела сильнейшее впечатление и стала одним из самых значительных событий его «второй» жизни. Со свойственной ему обстоятельностью и точностью он описал эту встречу сестре: «...на Капри (...) уговаривали меня остаться там или вернуться поскорей. Вот не ожидал я, чтоб этот создатель сверхбосаяков, эгоистических индивидуалистов и разного эгоцентрического люда сам такой милый, сердечный, приветливый человек! ...Веришь ли, что, прощаясь, он не мог удержаться от настоящих слез, чем вконец растрогал и меня?! Своими нападками на мое литературное бездельствие он мне напомнил тебя. „И в этой-то всеобщей неразберихе Вы, Вы отказываетесь поднять свой голос! Да ведь это же чуть не преступление! А какая потеря! Что Вы там толкуете о невыношенности и безынтересности т. п. Да Ваш простой рассказ, без всякой примеси теорий и морализации освежает, поднимает, облагораживает человека“... и т. д. Сюда прислал мне одну из своих книг с такой надписью, от которой краска бросилась мне в лицо... Был там и его издатель, который соблазнял меня материальными перспективами. Но я пребыл, конечно, лениво (по-вашему) и твердо. Но — ради бога — все *между* нами, а то это может быть принято за самохвальство да еще, чего доброго, дойти до его ушей, до человека, которого я сердечно полюбил и уважением которого я очень дорожу»<sup>51</sup>.

В этом «отчете» Лопатина любопытно все. Прежде всего оценка Горького-писателя как «создателя сверхбосаяков, эгоистических индивидуалистов и разного эгоцентрического люда».

Но Горький как человек, как личность покорила Лопатина. «Между прочим, был на Капри, где сердечно сошелся с Горьким, — писал он М. П. Негрескул 8 января 1910 г., — что за нежная душа скрывается под его грубоватой внешностью»<sup>52</sup>.

После первой встречи Горький периодически встречался с Лопатиным во время своих поездок в Кави. На Капри Лопатина всегда настойчиво приглашали. Сохранилось письмо М. Ф. Андреевой Лопатину от 6 мая 1911 г., в котором она настойчиво приглашала его на Капри «погостить» (Г—Л, п. 4). Однако в мае Лопатин,

живший тогда в Феццано, на Капри не поехал, во всяком случае сведений о такой поездке нет, а в июне 1911 г. он с братом и Н. Ф. Даниельсоном уехал в Швейцарию.

Вторая поездка Лопатина на Капри, как об этом свидетельствуют публикуемая переписка, а также письма Лопатина Амфитеатровым, состоялась в начале ноября 1912 г. Лопатин собирался встретиться в Неаполе с Л. А. Лопатиной — одной из своих «многочисленных племянниц» — и из Неаполя приехать на Капри. 4 ноября он отправился на Капри, о чем сообщал Амфитеатровым, которым подробно описывал «свою Одиссею».

Горький, обещавший «радостно» встретить Лопатина (п. 7), действительно вместе с Марией Федоровной и ее сыном встречали его. Горький, как писал Лопатин, «долго стоял вечером на ветру, в одном пиджаке» и даже немного простудился, но они с Лопатиным разминулись, и Лопатин подробно описал Амфитеатровым свои странствия по острову в поисках виллы Горького. Но этот приезд не стал праздником ни для Лопатина, ни для Горького. Лопатин чувствовал себя на Капри неуютно. В письме к Е. Ю. Григорович, написанном на крохотном листке бумаги (Лопатин объяснял, что оставил бумагу в чемодане в Неаполе, а просить у Горьких постеснялся), он признавался: «Писать много некогда в чужом месте»<sup>53</sup>. Но, конечно, дело было не только в «чужом месте»: Лопатин привык к кочевой жизни и частым остановкам у «чужих». В эти дни в доме Горького складывалась драматическая ситуация: М. Ф. Андреева уезжала в Россию. «Атмосфера здесь не из радостных: М. Ф. грустна и все задумывается. А. М. тоже не шибко весел», — писал Лопатин. Ощущение «подспудной трагедии» делало жизнь Лопатина на Капри почти тягостной. «...было не так-то покойно спать над лавой», — признавался он Амфитеатровым позже, уже из Неаполя<sup>54</sup>.

Лопатин стремился уехать с Капри, но «великолепная погода», которой так радовался Горький, приглашая Лопатина (п. 7), сменилась ненастьем. К тому же должен был приехать Бурцев для деловых переговоров с Горьким. Из-за непогоды и в ожидании Бурцева Лопатин задержался на Капри целую неделю. Он рассказал о своих впечатлениях, очевидно, только Амфитеатровым. М. П. Негрескул, которой он после первой встречи с Горьким радостно писал, что «сердечно сошелся» с ним, теперь просто сообщал, что вернулся с Капри<sup>55</sup>.

Первое свидание с Горьким на Капри оставило для истории и для историков многие сведения о замечательном русском человеке — Германе Лопатине. Их последняя встреча на Капри осветила один из трудных моментов в жизни Горького.

Горький и Лопатин еще обмениваются письмами после этого свидания, но встретятся они уже в России.

## IV

Публикуемая в томе переписка Горького с Лопатиным невелика по объему. То, что пропали или еще не разысканы некоторые письма Горького Лопатину, объяснимо особыми обстоятельствами жизни Лопатина. Но ведь известно, что Горький тщательно хранил письма своих корреспондентов, почему же писем Лопатина всего восемь? Очевидно, их переписка явно не была ни интенсивной и длительной, ни обширной.

Лопатин любил и умел писать письма, но письма к Горькому давались ему с трудом. «Всего обиднее, что никак не могу добиться часу и настроения, чтобы написать Горьким, которые так полюбились мне сразу и были так сердечны со мной... Обнимите их, пожалуйста, за меня»<sup>56</sup>, — писал он Амфитеатрову 29 декабря 1909 г. Между тем тому же Амфитеатрову он успел написать в декабре, уехав с Капри в Париж, не менее шести больших писем, и переписка между Лопатиным и Амфитеатровыми всегда была очень оживленной.

Но Амфитеатрову или некоторым другим своим корреспондентам Лопатин мог писать письма о внешних событиях, о пустяках, писать иногда в суе повседневных дел. Письма к Горькому требовали «настроения», серьезного обдумывания или сердечной и душевной близости. А эта близость не возникала. Возможно, потому,

что первое знакомство с Горьким в приподнятой атмосфере «праздника», о которой Горький писал Амфитеатрову, и последующие встречи всегда на людях не способствовали сближению. Возможно, потому, что такой общительный человек, каким его все считали, Лопатин был человеком в то же время замкнутым (двадцать лет одиночного заключения!). Шлиссельбуржец М. Ю. Ашенбреннер вспоминал, что Лопатин, «блестящий, страстный, в высшей степени общительный человек, всегда чувствовал себя одиноким»<sup>57</sup>. В письмах Лопатина близким иногда прорывались слова об «одиночестве во многолюдстве». Нельзя забывать и об удивительной скромности Лопатина, не позволявшей ему «докучать» Горькому.

Для Горького знакомство с Лопатиным — «праздник из праздников, торжество из торжеств» — было утолением его «жажды героя». Но, может быть, горьковское восприятие Лопатина как «чародея сказочного» (п. Амфитеатрову), «сказочного человека» (п. Сулержицкому), значительность, грандиозность Лопатина мешали более тесному их сближению?

В 1911 г. у Горького произошел любопытный обмен письмами с В. С. Миролубовым. Горький рассердился на Миролубова, когда тот, прочитав вторую часть романа «Жизнь Матвея Кожемякина», писал: «Эта часть несколько слабее предыдущих. Лопат(ина) Вы сильно подняли, а затем уронили. Сказав, что ему слова дороже людей. Может быть, не следовало так поднимать?»

«В предыдущем Вашем письме, — отвечал Горький, — Вы без всяких оговорок заявили о тождестве Марка Васильева и Г. А. Лопатина, чем повергли меня в грусть. Я — портретов с живых людей не пишу, и, само собой разумеется, Марк с Лопатиным не имеет — не может иметь чего-либо общего, ибо я Лопатина с внутренней стороны не знаю. Уверен, однако, что мысли Марка ему чужды.

Очень жаль, что Вы усмотрели сходство там, где его не может и не должно быть» (XXIX, 177). Миролубову пришлось отступить: «...я назвал Марка Лопатиным, потому что заметил в нем много внешних черт сходства с последним. О „тождестве“ я не хотел сказать. Как следует Лопатина я не знаю»<sup>58</sup>.

Этот эпизод примечателен во многих отношениях. Но нас, естественно, более всего интересует Лопатин. То, что Марк — это не Лопатин и «мысли Марка ему чужды», убеждает одно из писем Лопатина Горькому, в котором он размышлял о русском народе и русской истории. Письмо это любопытно и тем, что в нем Лопатин полемизировал с некоторыми очень важными для Горького идеями, прозвучавшими и в статье «О писателях-самоучках».

Лопатин определял мысли Горького о том, что на «Западе пессимизм — миро-созерцание, а у нас он — „мироощущение“, как очень „широкие и красивые“, но несколько парадоксальные и не совсем верные обобщения». Он не считал, что «пессимизм, мистицизм и фатализм, подрывающие энергию и отразившиеся так ярко в нашем фольклоре» — черты, характерные исключительно для России. «Разве суть античной греческой трагедии не та же бесплодная борьба с неодолимым роком? И разве этот ослабляющий действительную энергию национальный порок помешал нам выбиться из-под татарвы и создать великое государство? — или — что еще больше — помешал нам создать великую литературу, в какие-нибудь полтора-два столетия, примерно от 1725 до 1880 г., т. е. от Петра I до Александра III?» (п. 5).

Добавим, что Лопатин, сам страдавший «пассивизмом», ни в коей мере не рассматривал эту черту как «национальный порок», но как болезнь, благоприобретенную в «бурях жизни», т. е. социально обусловленную.

Несогласие Горького и Лопатина в исторических воззрениях существенно, существенна и фраза Горького в письме Миролубову о том, что с «внутренней стороны» он Лопатина не знает. «Всегда приму как отца», — сказал Горький Лопатину при расставании в 1909 г. Шестидесятичетырехлетний Лопатин казался Горькому в его сорок один год отцом.

И не следует ли искать в «вечной» проблеме «отцов и детей» причину того, что органической, полной, глубокой близости Горького и Лопатина так и не возникло. Когда-то молодой Лопатин упрекал Тургенева в том, что тот не понял «детей». Теперь же Горький не сумел проникнуть во внутренний мир Лопатина-«отца». Они были революционерами разных поколений.

Двадцать один год Лопатин был выключен из жизни. Узникам Петропавловской крепости и Шлиссельбурга не разрешалось знать о том, что творилось в мире. Они не знали о русско-японской войне, им было запрещено употребление слова «социальный»<sup>59</sup>. Понимая, какую силу в начале века приобрел марксизм, начальство отобрало у Лопатина первый том «Капитала» Маркса, находившийся у него в Шлиссельбурге<sup>60</sup>. За эти двадцать лет в России произошли важнейшие исторические сдвиги, на арену революционного движения вышел пролетариат, была создана Российская социал-демократическая рабочая партия, революционные идеи проникли в широкие слои народных масс. Но, выйдя из Шлиссельбурга, Лопатин оказался вновь в изоляции, его положение «ссыльнопоселенца» означало постоянную слежку, невозможность свободного общения. В связи с этим Лопатин, естественно, не мог представить до конца всю значимость изменений в общественной, политической, идеологической жизни и только за границей начал постигать, как усложнились революционная борьба и формы этой борьбы. Его идеалы оставались прежними общедемократическими идеалами революционера 70—80-х годов. Именно это имел в виду В. И. Ленин, когда писал, что Лопатин не может дать направление «Современнику» (см. также статью Б. А. Бялика). Горький воспринимал Лопатина как «сказочного», романтического и несколько далекого героя народничества. Любопытно, что некоторые молодые революционеры, тогдашние обитатели Капри, вообще не приняли Лопатина. Так, О. А. Кадомцева в своих воспоминаниях, хранящихся в АГ, высказала достаточно резкие суждения о нем.

Но масштаб личности Лопатина, широта его видения мира и человека, его ум и огромное обаяние — все это придавало отношениям Горького и Лопатина и их переписке особую значимость. Мимолетность их встреч и краткость переписки не снижают той роли, которую сыграл Горький во «второй» жизни Лопатина. Также и Лопатин оставил глубокий след в памяти Горького.

Конкретными поводами для переписки и, очевидно, бесед были те «дела», которыми Лопатину пришлось заниматься за границей. Как это ни парадоксально, что так сложна, запутанна, противоречива была тогда русская действительность, то романтический герой прошлого, «рыцарь духа», как его называли, Лопатин помогал Горькому знакомиться с едва ли не самыми страшными, трагическими и позорными явлениями тех лет.

Выехав за границу, Лопатин попал в гущу политической борьбы в среде русской эмиграции. Его сразу «захватили» эсеры. Первое отклонение Лопатина от намеченного заграничного маршрута, о чем он писал сестре, — поездка в Лондон — было связано с приглашением на очередной съезд партии эсеров в августе 1908 г. На этом съезде он впервые увидел Азефа, история которого на несколько лет вперед предопределила деятельность Лопатина за границей и явилась одной из важных тем переписки его с Горьким.

Осенью 1908 г. поездка Лопатина к Горькому сорвалась из-за того, что он был срочно вызван в Париж для участия в третейском суде между Бурцевым и ЦК партии эсеров, обвинявшим Бурцева в клевете на крупного работника эсеровской партии — Азефа. Это было то самое «крайне неприятное дело», о котором он писал сестре и Короленко.

Еще в пору своей бурной революционной деятельности Лопатин понял страшную роль, которую играли провокаторы в русском революционном движении. Когда в 1884 г. он приехал в Россию, с тем чтобы восстановить партию «Народная воля», одной из своих задач он ставил: удалять «немалочисленные продукты политического разврата — последних годов, вторгнувшихся в революционную среду — в форме лиц, ведущих двойную игру с революцией и полицией»<sup>61</sup>. Лопатин помнил страшную роль Дегаева в истории «Народной воли»<sup>62</sup>. В его собственной судьбе был Степан Росси — «главный предатель» Лопатина в «Процессе 24-го», как его назовет позже Бурцев.

В письме к сестре Лопатин очень точно определил «суть дела», которым ему пришлось заниматься в связи с Азефом: «Бурцев напал на факты, уличающие А(зе)ва в провокации. Встретив упорное недоверие со стороны ЦК, он стал предостерегать других заинтересованных лиц. ЦК обвинил его в легкомысленном рас-

пространении, во вред партии, неосновательных и злостных слухов про одного из лучших ее членов. Бурцев» потребовал суда. Ради беспристрастия нужно было взять людей, не принадлежащих к партии, но пользующихся авторитетностью во всех партиях по части ума, справедливости и пр. Выбрали меня, Кр(опоткина) и Ф(игнер). Мы судили Бурцева и, конечно, оправдали, признав А(зефа) доказанным провокатором. На сем наше дело и кончилось. Судить А(зефа) может только партия, а не мы <...> для себя я считаю и того достаточным, что помог сделать его безвредным»<sup>63</sup>.

В деле Азефа великолепно проявились присущие Лопатину качества: высокая нравственность, справедливость, принципиальность, чувство долга, ум, такт. И в этой связи нельзя не упомянуть об инциденте его с В. В. Розановым. Как известно, дело Азефа широко освещалось в прессе. Во всех газетах печатались официальные отчеты о заседаниях Думы, на которых рассматривался запрос об Азефе; печатались статьи, фельетоны и пр. 27 января /9 февраля 1909 г. в «Русском слове» появился фельетон В. Варварина (В. Розанова) «Почему Азеф-провокатор не был узнан революционерами?» Розанов противопоставлял поколению революционеров-народников, с их высокой духовностью, «нынешних», обладающих, по его словам, «поразительной слепотой к человеку». Но под конец Розанов допустил грубый выпад против членов «третейского суда», и, хотя они принадлежали к первому поколению революционеров, он причислил их к тем, кто «не узнал» Азефа: «Азеф провел за нос и великую мать-игуменью <Фигнер>, и патриарха ее, высокообразованного старца кн. Кропоткина. Все они — и Кропоткин, и Фигнер, и Лопатин — уже стары, принадлежат к старым, „народническим“ слоям русской литературы и общества, то есть к слоям совсем другой психологии, чем нынешняя...»

Лопатин сразу же ответил Розанову: «14/II-09. Лондон. Не знаю, как Вас зовут по имени и отчеству и потому обращаюсь к Вам просто —

Милостивый государи!

Сейчас случайно прочел Ваш фельетон в „Русском слове“ от 27 января и хочу сказать пару слов pro domo meo<sup>2\*</sup>.

Не берусь разбирать Вашу теорию — в которой несомненно есть доля правды — но могу уверить Вас, что относительно меня и Кропоткина Вы введены в заблуждение невесть откуда взятыми сообщениями „Нового времени“.

Оставим в стороне мою первую жизнь — где физиогномика, первое впечатление, наблюдение личности во всей ее сложной конкретности играли немаловажную роль — скажу только о моем отношении к Азеву.

Увидев его впервые на большом собрании, я спросил у соседа: „Это еще что за папуас?“ — „Какой?“ — „Да, вот тот мулат с толстыми чувственными губами“. — „Это... (склонившись к моему уху) ...Это — И(ван) Ник(олаевич)!“ — „Как? Это он? И вы отваживаетесь оставаться наедине с ним в пустых и темных местах? — говорю я полушутя. — Но ведь у него глаза и взгляд профессионального убийцы, человека, скрывающего какую-то мрачную тайну“ (я три года провел когда-то в иркутском остроге, исключительно между уголовными). Затем, встречаясь с ним ежедневно в течение десяти дней и в продолжение целого дня, я ни разу не обменялся с ним ни одним словом, ни одним рукопожатием. А заметьте, всякий Вам скажет, что я очень общительный человек, и я видел его в кругу наших общих друзей, а его почитателей. Не скрою, что я уже слышал о нем кое-что худое, но меня уверили, что это злостная сплетня его партийных врагов, а дошедшие до меня факты не оправдывали еще тогда в моих глазах зловещих выводов. Я не демонстрировал, а просто уклонялся от общения с ним, ибо не мог или не хотел преодолеть чувства антипатии.

Кропоткин, насколько я знаю, видел его ранее всего раз или два и никогда не был его другом. Во всяком случае, на суде или в следственной комиссии он не брал на себя роли защитника Азева, а, напротив того, много способствовал тому направлению, которое приняло, наконец, дело между Бурцевым и ЦК.

<sup>2\*</sup> о себе (лат.).

Вот и все, что мне захотелось сказать под первым впечатлением от Вашей статьи. Герман Лопатин»<sup>64</sup>.

В письме к сестре от 13 февраля 1909 г. Лопатин, возмущаясь очередным враньем «автора статьи, помещенной в „Новом времени“, о своей „безграничной вере“ Азефу и о дружбе с Азефом Кропоткина, якобы защищавшего Азефа „на суде изо всех сил“, Лопатин восклицал: «Вот так пишется история!» В этом письме он частично повторил описание своего первого впечатления от Азефа, но добавил слова, завершающие его характеристику: «Прилагаю его портрет <...> Он всего больше похож (в фуражке) на одного из тех франц<узских> „апашей“, который — встретив малолетнюю девочку в глухом месте — изнасиловал ее, а затем задумал или зарежет; или обратно: сначала умертвит, а затем изнасиловал труп»<sup>65</sup>.

В изображении Лопатина Азеф — «профессиональный убийца», скрывающий мрачную тайну, и в то же время это «апаш», т. е. хулиган, вор, отсюда глубочайшее презрение, сатирическая тональность портрета.

Еще более язвительная и уничтожающая характеристика Азефа принадлежала другому судье — П. А. Кропоткину, который писал В. Н. Фигнер 31 марта 1909 г.: «Глубоко сожалею, что ЦК странно пишет об Азефе. Ловкий провокатор, каких не мало во все времена. К чему этот романтизм? Именно как мелких плутов и мошенников надо клеймить этих мерзавцев, а не делать из них героев французских романов»<sup>66</sup>.

Горький, писавший об Азефе позже в статье «О предателях» (1930), когда стал известен бесславный конец провокатора, дал чисто сатирический портрет Азефа, «упрощенного мещанина», который не представляет интереса для художника, ибо в нем нет «материала для искусства» (XXV, 194).

Но это значительно более поздняя оценка Горьким Азефа. В 1908—1909 гг. восприятие Горьким дела Азефа было близко лопатинскому.

Горький, разумеется, видел «грязь» азефовщины, считал Азефа «ловким подлецом», человеком «гаже палачей», он умолял Екатерину Павловну быть подальше, отодвинуться от этой «гнусной» истории. Вместе с тем Горькому был ясен общественный смысл разоблачения Азефа. «В конце концов — история-то не совсем плоха. Можно ждать <...> важных последствий, уж во всяком случае Столыпин и К<sup>о</sup> получат несколько здоровых щелчков», — писал Горький Е. П. Пешковой. И через несколько дней: «Пожалуйста, извещай меня о всем, что делается по вопросу об Азефе, это очень важно. Буде, выйдут какие-либо бумажки — пришли немедленно.

Крайне интересное дело»<sup>67</sup>.

В письмах Лопатина, знакомого с делом Азефа и многими подобными ему делами не со стороны, как Горький, а изнутри, — тот же широкий взгляд на происходящее: «Важно показать Европе — каковы „столпы“ порядка, как они подбивают на злодеяния, чтобы выдать потом обманутых ими людей и доказать свои заслуги в спасении власти и пр., чтобы получить потом свои 30 серебряников». Лопатин объяснял сестре, что его деятельность имеет высокий общественный смысл, а не поддержку и защиту Бурцева: «Выступив некогда как бы на помощь ему, я конечно имел в виду вовсе не его реабилитацию, а раскрытие гнусной общественной язвы, губившей все вокруг себя»<sup>68</sup>.

Моральный авторитет Лопатина после истории Азефа еще более укрепился. В нем видели не только легендарного героя прошлого, но мужественного, правдивого, совестливого человека, умевшего в сложных, запутанных ситуациях вершить «справедный суд».

Как известно, в прошлой деятельности для Лопатина революционность и нравственность были неразсторжимы. Он не соглашался с идеями и тактикой Нечаева, не разбиравшегося в средствах. «Я не принимал ни малейшего участия в т. н. нечаевском деле, или, лучше сказать, мое участие в нем было отрицательное, то есть мне принадлежала самая резкая критика присланных мне произведений нечаевского кружка»<sup>69</sup>, — писал Лопатин Н. П. Синельникову 15 февраля 1873 г.

Не во всем разделявший теоретическую платформу «Народной воли», Лопатин взялся за объединение разрозненных ее групп и кружков, и он избегал споров и дискуссий во имя единства партии. Но он решительно воспротивился следовать

распространенному правилу: «Для достижения поставленных целей все средства хороши» — и добивался того, чтобы распределительная комиссия запретила всякого рода «конфискации», убийства, поджоги и тому подобные действия местных групп<sup>70</sup>.

Высокие нравственные критерии помогали Лопатину разбираться в сложных, нередко трагических и всегда неприятных, изнашивающих здоровье историях, которыми ему приходилось заниматься особенно много по приезду за границу.

«Мое имя стало в Париже и Кракове боевым кличем, которым бросают друг в друга партии, кружки и отдельные бойцы», — писал он сестре 11 апреля 1909 г. В другом письме звучали иные ноты: «...меня то и дело приглашают в суды (разлакомились!). Но мне неохота разменивать свой нравственный авторитет на разбор эмигрантских дрызг, и я отказываюсь, что не легко». Эти два высказывания Лопатина не противоречат одно другому, но свидетельствуют о сложном отношении его к новой своей деятельности. В самом деле, его письма к сестре нередко отражают боль, гнев, горечь, часто брезгливость и отвращение к тому, чем ему приходилось заниматься: «Вот ездил на днях в Геную для совещаний по трем или, вернее, по пяти делам, аналогичным азовским). Было еще шестое дело несколько иного рода, но тоже очень трагичное». В другом письме он пишет о «тошнотворных делах». Когда сестра укорила его, что он «порхает» по Европе, Лопатин сердито отвечал: «Порхать-то я порхаю, только не с цветка на цветок, а с одной кучи навоза или падали на другую (...). Вот и сейчас я приехал в Лондон по делу, если не столь (пока) громкому, важному, ужасному и *гнусному*, как дело Азева, то все же достаточно трагическому, душевраздирательному и *противному*».

Следует обратить внимание на многозначность, точность, объемность последней характеристики: «гнусное» и «трагичное», «душевраздирательное» и «противное».

Лопатин отстранялся от участия в делах мелких, в разбирательстве «эмигрантских дрызг». Но, когда он чувствовал, что за обращением к нему стоит общественная или личная трагедия, он не находил в себе силы отказаться.

«...И Кави не скрывает меня от тяжелых душевных волнений, — жаловался он сестре 20 апреля 1909 г. — Например, сегодня получаю вместе с твоей открыткой: 1) мольбу некоего юноши приехать в Ниццу и принять к моему рассмотрению обвинение его в провокаторстве, 2) запрос: правда ли, что я высказал на основании *личных* впечатлений такое-то мнение об одном из главарей *персидской* революции, 3) просьбу протестовать в печати против некоторых газетных выходов на его счет, 4) просьбу прислать в Краков свое мнение по одному из тамошних дел, 5) донесение, что в таком-то деле топили человека, опираясь на якобы слышанные от меня факты. Все это не только утомительно и досадно, но и снашивает нервы, ибо надо всем этим лежат душевные трагедии». Но, перечислив все эти страшные дела, которые «снашивают нервы», Лопатин разъяснял, почему он берется за них: «Не отвечать нельзя, ибо это было бы просто негуманно, бесчеловечно»<sup>71</sup>.

Лопатин всегда видел и многозначность разбираемых им историй, рассматривая их с высоких нравственных, гуманных позиций и одновременно выявляя их общественное значение. Был и еще аспект, в котором проявлялась художественность натуры Лопатина, которая так привлекала Тургенева. «...Все эти материалы просто золотая руда для мыслителя и художника», — писал Лопатин Горькому. Умевший видеть «личность в ее сложной конкретности», Лопатин ценил «психологический и социологический» интерес дел, столь важный для художника.

В этом смысле очень любопытно его второе письмо Горькому. Оно написано человеком, которому знакомы законы художественного творчества, и обращено как бы коллеге, товарищу, сходно чувствующему и понимающему.

Лопатин, находясь в гуще дел о провокаторах, часто общаясь с ними и со свидетелями, работая с Бурцевым в «Общем деле», «Былом», «Будущем», безусловно, доставлял Горькому важные подробности об «историях» провокаций и их «героях», которыми Горький интересовался. Написав свою повесть «Жизнь неужного человека», Горький не считал тему исчерпанной, тем более действительность сразу же после выхода повести «подбросила» дело Азефа, мемуары Петрова и др. В 1910 г. Горького заинтересовала фигура Меньшикова, он хотел познакомиться и познакомиться

с ним. Договориться о свидании он просил сначала Е. П. Пешкову (через Бурцева), но потом писал ей, что «это дело взял на себя Г(ерман) А(лександрович)»<sup>72</sup>.

Любопытно, что в 1926 г., работая над романом «Жизнь Клима Самгина», Горький разыскивал книгу Меньшикова «Охрана и революция».

Но, говоря об интересе Горького к провокаторам и провокациям, нашедшем отражение и в его послереволюционных произведениях, нельзя ограничиваться, разумеется, только областью художественного творчества. Горький всегда оставался политическим деятелем, слежка за ним и за приезжавшими на Капри велась постоянная, и сведения, получаемые им от Бурцева и Лопатина, имели порой непосредственно «практическое» значение.

Можно отметить и другие связи Горького с Лопатиным, отразившиеся в публикуемых материалах. Горький принял участие в деятельности Комитета помощи русским политическим заключенным, приговоренным к каторжным работам, организованного по инициативе В. Фигнер и Лопатина (см. сообщение Л. С. Пустильник).

В свою очередь Лопатина заинтересовала Интернациональная лига, о которой Горький писал в своей статье «Издавека», и он запрашивал у Горького сведения о ней.

Нельзя не отметить и того факта, что имя Лопатина в 1908—1913 гг., до отъезда в Россию, часто фигурировало в переписке Горького с Амфитеатовым; точно так же в переписке Лопатина с Амфитеатовым постоянно возникало имя Горького. Живя в Капи или Феццано, Лопатин, несомненно, читал письма Горького к Амфитеатову. Этому есть свидетельства Амфитеатрова и самого Лопатина в его письмах к сестре. В ноябре 1910 г. Лопатин как бы подключился к тому напряженному диалогу о Толстом, который вел Горький с Амфитеатовым, но сделал это с присущей ему независимостью и самостоятельностью суждений и оценок, благодаря чему сохранился важный документ о Толстом и Лопатине. 27 ноября 1910 г. Лопатин писал сестре, очевидно в ответ на ее сетования, что он так и не познакомился с Толстым, хотя имел эту возможность: «И мне очень жаль, что, будучи современником этого великого и интересного человека, я никогда не знал его лично... общение с великим духом служит источником великих духовных наслаждений. В старое время Михайловский очень уговаривал меня побывать в Москве у Толстого, который опубликовал тогда свое „Воскресение“ и интересовался т. н. „революционерами“. Я отвечал, что дорого бы дал, чтобы познакомиться с Т. случайно, но что ни „смотреть“ его, ни „показываться ему“ и позировать для „революционера“ я не пойду. А простого, случайного знакомства так и не состоялось. Как-то в Париже один из приближенных Т. передал мне от него несколько лестных, ласковых слов. Я, конечно, поблагодарил, но отнесся к ним довольно скептически. Откуда, думаю, ему знать меня и с чего он будет вести сочувственную беседу о человеке, столь далеком от всего, что занимает его теперь?— Говорят, Горький упал в обморок при известии о смерти. Во всяком случае письма его к Амф(итеатрову) по этому поводу совсем „лирические“, чтобы не сказать сильнее...»<sup>73</sup>

В переписке Горького и Амфитеатрова нашли отражение и некоторые моменты, связанные с участием Лопатина в «Современнике». Лопатин подписал приветственную телеграмму Горькому, отправленную от имени редакции нового журнала «Современник» (18 декабря 1910 г.). Свое отношение к этому журналу он объяснял в письме М. П. Негрескул 1 января 1911 г.: «Между прочим, готовится здесь новый „Современник“, как бы продолжение старого. Негласный редактор Амф-в. Я — как „неключимый“<sup>3\*</sup> раб, конечно, отказался и от официального участия в редакции и от постоянного сотрудничества. Дозволил только перепечатать (ради имени) из старого „Вперед“ статью „Не-наши“. Но когда живешь вместе, трудно уклониться от участия в ежедневных редакционных совещаниях, особенно, когда съехалось трое питерских суб-редакторов. Да и охоты уклоняться нет: интересны и люди, и планы, и рассуждения»<sup>74</sup>.

<sup>3\*</sup> Здесь: негодный, беспомощный, неспособный. См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979. Т. 2. С. 521.

## V

Лавров вспоминал о Лопатине как о собеседнике, «который прельщал всех и каждого, был душою всякого общества, привлекал к себе и самодура генерал-губернатора Восточной Сибири, и ученых исследователей, и молодых девушек, и острожных каторжников, и фанатиков-революционеров». Приведем рассуждение Лаврова полностью: «Его рассказы, полные блеска и юмора, чаровали слушателей. Поэтому материал для его биографии мог бы быть очень богат и разнообразен. Но именно разнообразие мест и личностей, среди которых имели место разные эпизоды его жизни, здесь представляет затруднение. Множество лиц могли бы доставить о нем в высшей степени интересные сведения, но каждый мог бы точно и подробно сообщить лишь некоторые ее эпизоды. Лишь сам Лопатин был бы способен сгруппировать и распределить все эти эпизоды в надлежащей перспективе и гармонии. Его и уговаривали не раз сделать это. Уговаривал Иван Сергеевич Тургенев, угадывавший в нем блестящий литературный талант. Уговаривали его и друзья. Ему было все некогда. Его отвлекали всегда от усидчивой литературной работы, без возможности напечатать ее немедленно или работа для куска хлеба, переводы, сделанные по верному заказу, или хлопоты по сотне дел...»

Лавров сетовал на то, что друзья не записали рассказов Лопатина или записали очень мало, до того как «наступила катастрофа» — арест 1884 г. и приговор к пожизненному заключению.

Выше говорилось о том, что после освобождения заключенных Шлиссельбурга в журналах «Былое» и «Минувшие годы» печатались воспоминания, где рассказы — и о Лопатине. Были напечатаны в «Былом» и две заметки самого Лопатина, вносившего коррективы в рассказы о нем. Так, в № 3 Лопатин, исправляя Иванчина-Писарева и уточняя обстоятельства ареста доктора Веймара, у которого он жил по приезде в Россию в 1879 г., сам рассказывал о некоторых моментах, связанных с Веймаром. Точно так же, указывая на неточности в «Воспоминаниях народовольца» А. Н. Баха, он сообщил подробности эпизода в Ростове, где печатался последний, десятый номер «Народной воли». Скупые сведения об иркутских арестах содержались в его примечаниях к статье о Чернышевском и в написанной в 1906 г. «Автобиографии». Но это были все лаконичные, обрывочные факты. Между тем жизнь Лопатина была необычайной, насыщенной событиями, встречами, борьбой — «рыцарский роман», по словам Лаврова, и Лавров был прав, когда писал, что только сам Лопатин «был бы способен сгруппировать и распределить все эти эпизоды в надлежащей перспективе и гармонии»<sup>75</sup>.

К сожалению, этого не произошло. Жизнь в эмиграции не дала Лопатину возможности сосредоточенной литературной работы. Разборы дел о провокаторах, помощь Бурцеву в издании «Общего дела», «Былого», газеты «Будущее» (см. об этом в сообщении Е. Г. Коляды) отнимали у Лопатина много времени, сил, нервов, здоровья.

Горький во время их первой встречи говорил Лопатину о недопустимости его «литературного бездействия». Этими мыслями он делился с Амфитеатровым: «Надобно, чтоб он написал Записки, автобиографию. Не напишет — ограбит бедную Русь, которая стонет и воеет и страдает и не умеет радоваться» (Г—А, п. от дек., не ранее 9, 1909 г.)

Но, возможно, Лопатин и при встрече жаловался Горькому на свою абулию, которая «мешает всякому серьезному почину, стоит поперек дороги всякой самостоятельной, выдержанной деятельности по собственному загаду» (п. 1). Возможно, Горький сам опасался, что Лопатин не напишет истории своей жизни. Во всяком случае, Горький настойчиво просил Амфитеатрова записывать рассказы Лопатина. Амфитеатров так и поступал (некоторые рассказы воспроизведены Амфитеатровым в письмах к Горькому). Лопатин относился к этому спокойно и даже иронически. Встревоженной сестре он отвечал: «Твое замечание насчет Амфитеатрова не лишено оснований, судя по одной его фразе („вы так хорошо рассказываете, что я записал почти буквально вашу вчерашнюю повесть“), но мне это все равно, так как я едва ли соберусь когда-нибудь взяться за свои мемуары» (п. 8/21 окт. 1908 г.)<sup>76</sup>.

Позже, уже в России, Лопатин, как вспоминал С. Мельгунов, «смеясь, рассказывал, что Амфитеатров записал за ним целые четыре тома»<sup>77</sup>.

Правда, люди, знавшие Амфитеатрова и его пристрастие писать романы о живых, реальных людях (см. вступительную статью к переписке Горького с Амфитеатровым), выражали свои опасения на этот счет. М. Ф. Андреева 3 октября 1911 г. писала А. Н. Тихонову: Амфитеатровы «дуются на меня и не пишут. А тут еще Петр ездит к ним „поговорить по душам“ с Г. А. Лопатиным, и воображаю, какой из всего этого миленький романчик вылетит из-под пера ничем не брезгующего Ал. Вал., — герои-то уж очень громкие! Как тут не соблазниться»<sup>78</sup>.

По счастью, Амфитеатров не написал романа о Лопатине, хотя в последнюю главу романа «Десятидесятники» (1909), посвященного «могучему русскому человеку Герману Александровичу Лопатину», вставлен ряд лопатинских рассказов о Шлиссельбурге<sup>79</sup>. В томе публикуется амфитеатровская запись рассказа Лопатина, зафиксировавшая некоторые неизвестные исследователям подробности жизни Лопатина в Ставрополе, куда он был сослан по делу «Рублевого общества».

Живейший интерес имеют записи в дневнике Пятницкого, которые сделаны во время первого приезда Лопатина на Капри.

Во-первых, в этих записях с протокольной точностью зафиксированы по дням многие события, встречи, разговоры, реплики Горького. По полноте своей они не уступают, а, пожалуй, даже превосходят те письма-отчеты, которые сам Лопатин отправлял Амфитеатровым с Капри во время своего второго приезда к Горькому. Во-вторых, Пятницкий записал рассказы Лопатина, и эти рассказы расширяют и обогащают представление о «первой жизни» Лопатина. Они сообщили много нового о Лопатине не только слушателям его на Капри в ту дальнюю осень 1909 г., но и современным исследователям, литераторам, просто читателям.

Пожалуй, большинство эпизодов, рассказанных Лопатиным, не были известны тогда по другим записям или воспоминаниям. Так, о разговоре Лопатина с Д. А. Толстым глухо сообщалось уже позже в воспоминаниях В. Н. Фигнер, мало было сведений о ссылке в Ташкент в 1870 г., впервые подробно освещалась история трех побегов из Иркутской тюрьмы и т. п.<sup>80</sup>

Лопатин сообщал сестре, что Пятницкий советовал ему писать мемуары и предлагал издать их. Но он и сам заранее решил, что будет записывать рассказы Лопатина. Не исключено, что эта мысль возникла не без воздействия Горького.

Важно, разумеется, что рассказы записаны в доме Горького. Обстановка дома, обаяние и радушие самого Горького и его близких — М. Ф. Андреевой, З. А. Пешкова, приехавшего чуть позже Н. Е. Буренина, удивительная природа Капри, несомненно, помогли преодолеть присущее Лопатину нежелание «позировать», «показываться», о чем он писал сестре в связи со смертью Толстого. Лопатин «разговорился» в доме Горького, ощутив его искреннюю заинтересованность, поняв, какой он «милый и сердечный, приветливый человек». И не будет никакой натяжкой считать, что именно Горький оказался причастным тому, что для истории сохранились драгоценные подробности жизни замечательного русского революционера. Поэтому публикуемые записи Пятницкого органически входят в тему «Горький и Лопатин».

## VI

В последнем письме Лопатина Горькому возникает тема возможного возвращения на родину, жизненно важная и для Горького, и для Лопатина.

За границей Лопатин жил в известной безопасности, хотя, разумеется, и в Италии и во Франции за ним велась слежка, о чем свидетельствуют материалы, публикуемые ниже. Эта слежка стала особенно интенсивной накануне предполагаемого приезда в Италию русского царя. Сам Лопатин иронически изображал действия шпионов в Капи: «...по случаю визита царя в нашей деревушке гостило в продолжение двух недель десятка полтора политических агентов, которые сопровождали каждого из нас — пешком, на велосипеде и в поездах — во всех наших разъездах, близких и дальних. Телеграммы наши читались, и письма запаздывали. Но так как после депеши Амф(итеатрова) и моего письма к Джолитти и обращения в газеты

все это делалось сравнительно прилично, то есть якобы тайно и вполне оправдывалось естественными тревогами полиции при подобных обстоятельствах, то я не протестовал больше, а только посмеивался»<sup>81</sup>.

Лопатин понимал, что еще несколько лет ему придется жить за границей. В конце 1910 г., судя по письмам, участие его в разборе всякого рода историй провокаторов, эмигрантских «дряг» и прочего несколько сократилось. И все же работа в «Былом» неизбежно возвращала его к столкновениям с провокаторами. В 1911 г. он приехал из Швейцарии, где путешествовал с братьями и Даниельсоном. «...Проводив братьев,— писал он из Парижа Амфитеатрову,— я попал к Б(урцеву) прямо на допрос к провокатору и очную ставку его с его жертвами. Очень интересно с бытовой и психологической стороны, но... и противно же! Да и ужасно по временам...»<sup>82</sup>

Лопатин, особенно после встреч с родными, думал о возвращении на родину. Советуя В. А. Лопатину, пережившему смерть дочери и жены, отправиться в «пешеходное путешествие по России», он добавлял, что этому путешествию он «с наслаждением отдался бы сам, если бы это было возможно»<sup>83</sup>.

Но в 1909—1912 гг. в Россию он уехать не мог, несмотря на то что при получении заграничного паспорта ему была дана возможность «без особого на то разрешения возвратиться в Россию» (см. ниже справку по особому отделу). Однако на деле все обстояло не так просто. И осложнилось положение Лопатина в связи с его участием в разбирательстве дела Азефа. Он писал сестре 13 февраля 1909 г., что «отказался от перспективы скорого возвращения на родину и жития в СПб., отлично понимая, что мое участие в этом деле не останется тайной»<sup>84</sup>. Вскоре до него дошли сведения об ироническом замечании Макарова в его адрес: «А Лопатин там все в разных комиссиях».

Несколько позже, в апреле 1910 г., Лопатин объяснял сестре, почему не едет на родину: «Тянет ли меня в Россию? Даже очень. Могу ли я вернуться туда? Почему же нет! Но только потом я могу проехать без всякого моего желания в Архангельскую губернию, а то и дальше. По крайней мере директор Департамента полиции говорил одному моему знакомому: „Л(опатин) и Ф(игнер) закрыли себе возвращение на родину (намек на дело Азева). Пусть живут за границей. Им и там хорошо“»<sup>85</sup>.

Вместе с тем Лопатин предпринимал некоторые шаги, в какой-то степени подготавливавшие возвращение в Россию. 21 октября ст. ст. 1909 г. истекал четырехгодичный срок его «приписки» в Вильно, и В. А. Лопатин обратился к брату с вопросом, как он намерен поступить. Лопатиным вновь овладели сомнения. Он писал сестре: «Это трудно сделать удовлетворительно, не будучи лично на месте. А вернуться сейчас, после всего, что произошло после моего отъезда, и когда делами правит не Макаров, с которым мне возможно было *личное* объяснение *начистоту*, а пресловутый Курлов, было бы рискованно: того и гляди попадешь за полярный круг (...) Ну, а *нынешней* тюрьмы и ссылки, с возмутительным издевательством над личным достоинством, я бы не перенес: меня бы живо расстреляли»<sup>86</sup>.

Так Лопатин расценивал возможность своего возвращения на родину. И все же в сентябре 1910 г. он начал хлопотать через брата о «приписке» в виленские мещане. «Был вчера в Генуе у консула, где проваландался с этим несносным формалистом до 6 часов вечера. Но в конце концов добился своего, то есть засвидетельствования принесенного мною документа»,— сообщал он Амфитеатрову 10 сентября 1910 г.<sup>87</sup>

Но и оформив документы на «приписку», Лопатин не спешил с отъездом.

В начале 1913 г. отмечалось 300-летие дома Романовых и ожидалась широкая амнистия. Ее ждал Горький, на нее надеялся и Лопатин. Оба они ждали только общей амнистии, а не всемиловейшего личного «именного помилования». Настроение Лопатина в этом отношении прекрасно отразилось в его письме Горькому. Это письмо свидетельствовало и о свойственном Лопатину умению самому разобраться в тонкостях юридических процедур, удивлявшем в прошлом даже его судей: так умно и безупречно точно были составлены им показания при аресте по делу Каракозова и при аресте в Иркутске. И сейчас, дожидаясь амнистии, он как

бы предсказывает возможные «варианты» ее и предостерегает Горького от ложного шага — намерения «протестовать по поводу слухов». Это предостережение сделано Лопатиным в изычной, остроумной и необходимой форме. Лопатин знал, что дело возвращения на родину «требует основательного размышления и взвешивания всех „pro et contra“» и делился своими мыслями с Горьким (Г—Л, п. 11).

21 февраля/6 марта 1913 г. в газетах был опубликован «высочайший» указ в связи с 300-летием дома Романовых, в котором объявлялась амнистия лицам, привлекавшимся по статьям 128, 129 и 132 Уголовного уложения за преступные деяния, учиненные посредством печати, открывавшая Горькому дорогу в Россию. Но, как известно, возвращение Горького по разным причинам затянулось до конца 1913 г.

Лопатин воспринял манифест об амнистии 1913 г. примерно так же, как в 1874 г. указ Александра II, изданный по случаю бракосочетания его дочери с герцогом Эдинбургским. Тогда Лопатин, находившийся в Лондоне, обратился с письмами в газету «Daily News», опубликовавшую указ, и к самому Александру II. В этих письмах, резких и блестящих по форме, с присущей Лопатину точной аргументацией была доказана истинная сущность царской «милости», которая распространялась на ничтожную часть находившихся в тюрьмах и на каторге людей<sup>88</sup>.

В 1913 г. Лопатин стремился вернуться в Россию, да у него и не было трибуны, с которой он мог бы выступать с критикой нового манифеста. Но в его письме к М. П. Негрескул от 12 марта 1913 г., написанном после прочтения «высочайшего указа», характеристика этого документа вполне определена: «Прочел я манифест. Более лицемерного, безжалостного и наглого издевательства над всеми надеждами и ожиданиями общества и народа, кажется, никогда еще не бывало! Конечно, надо уметь читать этот казенный, суконный язык и знать содержание приводимых тут статей закона, чтобы оценить вполне все несоответствие между *кажущейся* его значительностью и его *реальной* ничтожностью и свирепым бездушием»<sup>89</sup>.

Тем не менее Лопатин стал собираться в Россию, сказав об этом своем решении сначала только Амфитеатровым, позже еще несколькими лицам. Как и в былые годы, когда он умел «собственной властью» «переводиться» из России за границу или из-за рубежа на родину, Лопатин тщательно продумывал план возвращения в Россию.

Начало 1913 г. он почти безвыездно жил в Феццано, пока Амфитеатров с женой и сыном путешествовал по Германии. В июне он поехал в Париж, откуда 8 и 10 июня писал Амфитеатрову. 14 июня он был в Лондоне. Затем снова в Париже, а 24 июня приехал в Берлин, о чем открыткой известил Амфитеатрова. Эту открытку он отправил уже из России, из Вержболова 12/25 июня. Предосторожности, принятые Лопатиным перед отъездом, оказались нелишними. «Уже и сейчас его ищут, и зарыскали шпики, обеспокоенные его внезапным исчезновением (...) Его сейчас, когда прозевали его отъезд, ищут как иголку в сене, даже не заботясь прикрывать эти поиски, и в Феццано, и в Нерви, и Неаполе», — писал Амфитеатров Горькому 11 июня 1913 г.

О перипетиях готовящегося отъезда Лопатин рассказал уже из России в письме Амфитеатрову от 23 июля/6 августа, как всегда живым и ироничным, хотя он и сетовал в письме, что писать из России трудно и «нет настоящего одушевления для рассказа»: «...все, узнававшие о моем намерении посетить „маму“, впадали в грусть и предсказывали мне всякие беды, не слушая или не принимая моих доводов. Напрасно я говорил им: „Как вы не понимаете, что у всякого профессионала — помимо аргументов и доводов от разума, опыта, доступных пониманию каждого, имеются еще *интуиции*, справедливости которых он не может *доказать*, но которые тем не менее остаются верными“... Мой спутник в последний раз сказал мне: „Послушай! еще не поздно вернуться, хотя билеты взяты до Питера. Брось свою затею, и я все убытки возьму на себя“. Я ответил только: „Нишкни!“ Сначала я пробовал излагать весь свой план, разделив его на несколько стадий. Но мне приводили по каждому пункту кучу неприятных „возможностей“. Я отвечал: „Да, все это не невозможно, но дело пойдет так-то“. Мне не верили. Тогда я стал давать указания лишь на непосредственно предстоящую стадию, оставляя остальное для

будущего момента. И что же? Все стадии прошли спокойно, гладко, точь-в-точь согласно с моими предвидениями. В одном пункте я *не мог* не уступить, и тут эта уступка оказалась ненужной. Как Вы знаете, я вынужден был отказаться от мысли взять с собой мой архив, хотя был *убежден*, что сумею перевезти его. Я говорил, что — благодаря моей сановитой наружности, спокойному обращению и авторитетному тону или чему-либо иному — меня не беспокоят на границах и или вовсе не досматривают моего багажа или ревизуют его самым поверхностным образом. То же случилось и на этот раз. Но этого мало. Россияне завели недавно в пограничных таможах каких-то барышень-„массажисток“, которые запускают тонкие пальчики внутрь чемодана и прощупывают все его кишечки. И вот спутника моего осматривал солдат, а меня такая „массажистка“. Через минуту она говорит мне томным голоском: „Книжки?“ А я отвечаю ласково-вкрадчиво-успокоительным тоном: „Только словари, барышня“. Тем дело и кончилось. Она не подняла даже верхних вещей, чтобы убедиться в моей правдивости. По дороге я остановился в Вильне, чтобы прописать свой внутренний паспорт, выданный мне три года тому назад и ни разу не прописанный, что могло смутить питерцев. В Питере я прописался в гостинице приехавшим из Вильны, а заграничный паспорт с означением недоимки в 135 рб. положил в карман: пусть фиск поищет меня прежде, чем сорвать с меня такую уйму денег».

В гостинице Лопатин пробыл три дня, затем приискал себе «скромную квартиру, куда переехал и прописался снова», а затем отправился в путешествие: в Гомель-Гомель (откуда и послано письмо) и оттуда к родным в Малороссию и Закарпатье. «Ну разве же я не молодец по *своей* части?» — спрашивал Лопатин, не скрывая своей радости не потому только, что благополучно завершилось его возвращение в Россию, а потому, что многое вспомнилось и пережилось из той, «первой», жизни, и оказалось, что «есть еще порох в пороховницах», и Лопатин был доволен собой, своей предусмотрительностью, осторожностью и находчивостью. «...От Парижа до Берлина я ехал в одном вагоне с Масловым, но приостановился в Берлине, чтобы пропустить его вперед и не переезжать *вместе* границы, не сообщив даже ему, что и я плыву „домой“»<sup>90</sup>, — дополнял он рассказ о своем путешествии. Правда, как это видно из публикуемых ниже донесений заграничной агентуры, его отъезд из Парижа и дальнейший путь до Петербурга был прослежен достаточно внимательно.

## VII

Последние пять лет своей жизни Лопатин провел на родине. Он уже мог беспрепятственно поселиться в Петербурге. Но, обосновавшись на Карповке (точнее, на набережной Карповки, ул. Бассейная) в доме литераторов, где прожил все оставшиеся годы, он часто уезжал из Петербурга. Лопатин радовался возвращению в Россию, которую так любил. В годы молодости он признавался, что за границей ему недостает «русского воздуха и русского языка, русских впечатлений, русских женщин»<sup>91</sup>. И теперь он впитывал в себя эти «русские впечатления». В августе 1913 г. он некоторое время жил близ Нарвы и с наслаждением предавался отдыху на родине. «Гулял пешком по полям, лугам и лесам пропасть, — писал он Амфитеатрову. — Ездил в экипажах и верхом. Причем однажды подо мною на всем скаку упала лошадь, сбросив меня через голову шага на 3 или 4 вперед. Однако кости остались целы, равно как и очки и часы. Побывал, между прочим, в Прямухине, пресловутом гнезде Бакуниных, где все пропитано воспоминаниями о незабвенных людях сороковых годов. Убедился, между прочим, что краски русской осени — по богатству и приятности тонов — не уступают, пожалуй, итальянским». Весной 1914 г. Лопатин совершил шестинедельную поездку по России. Он побывал в Гомеле, Киеве, Остроге, Одессе, Николаеве, где жили его родные. На обратном пути Лопатин заезжал в Москву<sup>92</sup>, где посетил Е. П. Пешкову, о чем немедленно было доложено в Департамент полиции (см. ниже).

Возможно, Лопатин собирался заняться литературной деятельностью. Появились сведения, что он работает над своими мемуарами<sup>93</sup>. Во всяком случае, Ло-

патина очень заботила судьба его архива. Как уже говорилось, уезжая за границу, Лопатин предполагал побывать в Стокгольме для розыска своих бумаг, которые он в свое время передавал на хранение Брантингу. Но, списавшись с Брантингом, Лопатин выяснил, что тот отправил все его бумаги в Париж, Лаврову<sup>94</sup>. И Лопатин действительно нашел часть бумаг в архиве Лаврова. 9/22 октября он сообщал М. П. Негрескул: «Добрался я недавно до части архива П. Л.<sup>95</sup>, хранившейся в Женеве, и нашел там в числе материалов для его биографии большую пачку его писем ко мне, взятых из моего архива». Очевидно, М. П. Негрескул недоумевала по поводу этой находки, и они даже повздорили в своей переписке. Но Лопатин убеждал Негрескул, что речь идет о письмах Лаврова к нему, которые хранились «в моем шведском архиве и которые могли попасть в наследие П. Л. только отсюда и нигде больше»<sup>96</sup>. Через год с небольшим Лопатин опять-таки неожиданно обнаружил свой архив в Париже, у дочери Н. С. и Н. Ф. Русановых: «...недавно совершенно случайно в квартире у дочки Н. С. между его бумагами я нашел весь свой архив — правда, в разрозненном виде, но в полной целостности. По крайней мере, там нашлась и метрика Бруно и моя переписка с Бак(униным) и многое другое»<sup>97</sup>, — писал он М. П. Негрескул 10 февраля 1910 г. (См. об этом же в сообщении Е. Г. Коляды). Этот-то парижский архив, очевидно пересмотренный и «почищенный», Лопатин хотел взять с собой на родину. Незадолго до отъезда, 8 июня 1913 г., он писал из Парижа Амфитеатрову, что, приняв решение об отъезде, «тревожился лишь, как поступить с неостребленным архивом»<sup>98</sup>. Лопатин уступил уговорам друзей, опасавшихся, что он не сможет перевезти архив через границу, и оставил его в Париже, о чем впоследствии сожалел. «Очень досадно, что вынужден был оставить в Париже неистребленную часть моего архива, я дал бы Вам мою переписку с Бакуниным по известному пресловутому делу», — писал он из России Амфитеатрову. Очевидно, часть архива оставалась у Амфитеатровых в Феццано, и Лопатин настойчиво, из письма в письмо, просит Амфитеатровых переслать ему в Петербург «ящик с легальными книгами и прочим барахлом»<sup>99</sup>, недоумевая, почему они задерживают отправку. Возможно, что Лопатин так и не получил из Феццано свои бумаги, так как в архиве Амфитеатрова, хранящемся в ЦГАЛИ, есть и документы Лопатина. Фонд Лопатина в ЦГАОР образован также из материалов, полученных из «Русского заграничного исторического архива» в Праге, где находился архив самого Амфитеатрова.

Однако литературной и журналистской работой Лопатин занимался мало, хотя был связан с журналом «Голос минувшего» и его редактором В. И. Семеvским. На страницах журнала за эти годы имя Лопатина появлялось реже, нежели в 1906—1908 гг. в журналах «Былое» и «Минувшие годы».

Можно предположить, что тут сказались отчасти полное разочарование Лопатина в недавней его издательской деятельности с Бурцевым. Энергично помогая в Париже Бурцеву в издании «Общего дела», «Былого», «Будущего» (см. об этом в сообщении Е. Г. Коляды), Лопатин постепенно стал понимать бесплодность усилий Бурцева-журналиста.

Сначала Лопатин, как уже говорилось, считал деятельность Бурцева по разоблачению провокаторов общественно полезной. Снисходительно относясь к человеческим слабостям «Бурчика», Лопатин ценил самоотверженность этого «одиночки-протестанта»<sup>100</sup>. Однако все более тесное общение убеждало его в узости и ограниченности позиций Бурцева, не имевшего, в сущности, никакой положительной программы, что отрицательно сказывалось и на журнале «Былое», и в особенности на газете «Будущее», посвященной главным образом разоблачению провокаторов.

Отрицательное отношение к литературным талантам Бурцева в России окончательно укрепилося. «Он хороший сыщик, но жалкий литератор», — характеризовал Лопатин Бурцева в письме Амфитеатрову от 10/23 сентября 1914 г. В России он убедился в неосновательности, даже несерьезности, как изданий Бурцева, так и его самого как общественного деятеля. «Вполне согласен с Вами и в оценке деловитости Бурчика», — писал он Амфитеатрову вскоре по приезде. — Увы! Я знаю эту деловитость по собственному опыту с давних пор... Не отвечать на спешные вопросы, заданные в его же интересах, сообщать вместо фактов какие-то намеки, обещания по-

разительных раскрытий и т. п., смешивать собственную убежденность с доказательствами и т. д. — все это старые неизменные его качества (...). Меня поразило — до какой степени заграничная русская пресса и, в частности, издания Бурчика мало известны в России и в каком превратном виде известна деятельность Б. Меня то и дело спрашивают: „Правда ли, что это настоящий маньяк?“ „Что он сгубил множество людей легкомысленными, ложными обвинениями?“ и т. д. И чем дольше я живу тут, тем больше укрепляюсь в моем скептическом отношении к Вашему убеждению о возможности и пользе хорошей русской газеты за границей»<sup>101</sup>. Прямой в отношениях с людьми, Лопатин отправил близкое по содержанию письмо к самому Бурцеву (см. сообщение Е. Г. Коляды).

В отношении к Бурцеву проявилось умение Лопатина трезво и объективно оценивать человека по его делу.

Очень любопытно в этой связи вспомнить ироническую характеристику, которую давал Бурцеву и его газете В. И. Ленин: «...газетка г. Бурцева „Будущее“ очень напоминает либеральную гостиную: там защищают по-либеральному либерально-глупый, октябристски-кадетский лозунг „пересмотра положения 3-го июня“, там болтают охотно о шпиках, о полиции, о провокаторах, о Бурцеве, о бомбах». «Либералы с бомбой»<sup>102</sup> — так назвал В. И. Ленин деятелей «Будущего».

Но, отказавшись от участия в предприятиях, подобных бурцевским, Лопатин в России не смог найти себе настоящего постоянного дела. В то время как В. Н. Фигнер, Н. А. Морозов, И. Д. Лукашевич, М. В. Новорусский и другие шлиссельбуржцы занялись литературной, общественной или научной деятельностью, Лопатин, тяготея по-прежнему к сфере общественно-политической, но не примкнув ни к какому политическому лагерю, оказался, в сущности, в одиночестве.

Как известно, Лопатин и ранее не входил ни в какие партии, он предпочитал бороться в одиночку, и его вступление в «Народную волю» в 1884 г. вынуждалось обстоятельствами<sup>103</sup>. По выходе из Шлиссельбурга он оказался близким изданиям народнического направления. В эмиграции его хотели привлечь к себе эсеры. Но участие в разбирательстве дела Азефа и защита Азефа рядом членов ЦК (в частности, Черновым) заставили его отрицательно отнестись к некоторым сторонам деятельности этой партии.

В годы массовой революционной борьбы Лопатин продолжал ценить и поддерживать выступления одиночек. И речь не только о Бурцеве. Характерно его внимание к личности А. А. Петрова, о котором он писал Горькому и мемуары которого готовил к печати в журнале «Былое». Петров действительно был незаурядной личностью, храбрым и мужественным человеком: революционер, он решил отомстить за азефовщину, проникнув в охранку, т. е. став «контрпровокатором». Петрова схватили после того, как он устроил взрыв, в результате которого был убит полицейский полковник Карпов, приговорили к смертной казни, но он успел написать свои записки и передать их товарищам. Обдумывая свою деятельность, Петров пришел к выводу, что он поступал неправильно, так как, входя в сношения с охранкой, рисковал не только своей честью, но честью партии<sup>104</sup>. Тем не менее мемуары Петрова глубоко взволновали Лопатина именно раскрытием личного, индивидуального поведения человека.

Судя по письмам к сестре и Амфитеатровым, Лопатин не смог сблизиться и с «эсдеками», они казались ему людьми ограниченными. Программа РСДРП оставалась ему чуждой. Как это ни парадоксально на первый взгляд, но Лопатин — первый переводчик Маркса на русский язык — так и не стал, точнее не смог стать, марксистом. В 1873 г. в письме Синельникову Лопатин заявлял, что им владеет «одно господствующее стремление, одно страстное и неизменное желание служить всеми (...) силами материальным, умственным и нравственным интересам бедной, темной, невежественной и приниженной народной массы»<sup>105</sup>. После выхода из Шлиссельбурга волею обстоятельств Лопатин не сумел и не смог найти путей к осуществлению своего желания, он не разглядел решающей роли рабочего класса в складывающейся в России революционной ситуации и роли социал-демократической партии, возглавлявшей революционное движение масс<sup>106</sup>. И все же некоторые сдвиги в его взглядах произошли.

В этом плане большой интерес представляет письмо Лопатина брату, в котором он рассказывал о своем юбилее в январе 1915 г., проводившемся широко и торжественно. Письмо это неоднократно публиковалось, но оно важно для понимания общественной позиции Лопатина в те годы. Вот что писал Лопатин: «Ведь все мы — я и мои многочисленные друзья и единомышленники левого лагеря давно прошедших стародавних лет — были когда-то подхвачены идейным течением нашего времени, которое и несло нас вперед, пока не разбило о встречные скалы... И только могучему стихийному движению столичного пролетариата и сельских масс удалось добиться в 1905 году частичного осуществления кое-каких из наших стремлений и вернуть к жизни тех из нас самих, которые не были еще убиты насмерть... И вот наши нынешние, современные единомышленники и доброжелатели чувствуют нас теперь по всяким подходящим поводам — не за заслуги — не за осуществление благих целей, к которым мы стремились, но не достигли, а, так сказать, за „дожитие“, выражаясь языком страховых обществ. Как же тут не смущаться и как не сжиматься сердцу от собственного сознания своей малоценности при сопоставлении с выпадающими на нашу долю „величаниями“ (...) Россия получила свои „вольности“, а мы свободу не „свыше“, а путем мятежа, так что весь почет принадлежит не нам, а народу»<sup>107</sup>.

Письмо это примечательно многим: в нем проявилась личность Лопатина с его широким взглядом на исторические события, умением объективно оценить свою роль и свои возможности, благородством и скромностью. Примечательно оно и признанием репашающей роли народных масс в революции, а не «героев», не отдельных личностей, что было характерно для идеологии народничества и для самого Лопатина в прежние времена.

Но вместе с тем революция 1905 г. рассматривалась им как движение стихийное, в котором «столичному пролетариату» и «сельским массам» принадлежит одинаковая роль.

В письме ощутимо и отчетливое понимание Лопатиным закономерности и необходимости революционной борьбы народа и не менее отчетливое осознание того, что сам он в этой борьбе активное участие принять уже не может, что он обречен всего лишь на «дожитие», хотя бы и почетное. С таким чувством Лопатин и уезжал в Россию. Амфитеатров, считавший, что Лопатину уезжать незачем, поскольку на родине «пользы он сейчас, постаревший чрезвычайно, много не принесет», передавал Горькому слова Лопатина: «Он сам мне сказал, что не рассчитывает ни на какую политическую роль: для того, чтобы войти в какую-нибудь партийную дисциплину или связать себя с какой-нибудь, уже существующей организацией, считает себя не по характеру, он и в старину был властен», создать же что-то новое уже не сможет, «резонно считая себя старым и уставшим» (Г—А, п. от 11 июня 1913 г.)<sup>108</sup>.

Человек исключительной духовной и нравственной цельности, Лопатин не мог не страдать от невозможности действовать, но действовать не мог. Отчасти этим обстоятельством можно объяснить то, что с Горьким, приехавшим в Россию в самом конце 1913 г., Лопатин близко не сошелся.

Сначала по приезде в Россию Лопатин живо интересовался тем, воспользуется ли Горький своим правом вернуться из эмиграции, которое давала амнистия по случаю 300-летия дома Романовых. «...По-видимому, Горький собирается на родину? Куда именно, а особенно сначала? Надолго ли? Не повлияло ли на его решение мое благополучное пребывание в отечестве?» — спрашивал он Амфитеатрова едва ли не в первом письме из России.

Узнав из газет и по слухам о болезни Горького, Лопатин делился своими сведениями с Амфитеатровым, а затем, не получив ответа, вновь засыпал Амфитеатрова вопросами: «Неужели Вы так-таки ничего не знаете о Горьком: о кровохарканье, о перевозе его в Локарно или Лугано, о приезде туда М. Ф. и пр.? Ведь это же изумительно! И где же справляться о нем, как не у Вас — Зины?!»

Получив известие, что «Горький поздоровел и собирается на родину», он замечал: «Мне кажется, что это для него безопасно». Но когда Горький наконец приехал в Россию, встречи их с Лопатиным были, очевидно, мимолетными и преиму-

публично официальными (на похоронах Семевского, на заседаниях различных обществ и т. п.). Поэтому в письмах своих Амфитеатрову Лопатин сообщал не достоверные сведения о Горьком, а слухи, которые тогда о нем охотно распространялись, или опять-таки задавал вопросы: «А правда ли, что и Максим Пешков поступил во французскую военную службу» и пр.

Горький оставался для Лопатина не только объектом постоянного внимания, но и своего рода мерилom в отношениях с Амфитеатовым. «Неужели и между нами „лопнула, по-видимому, какая-то пружина“, как вы выражаетесь по поводу Горького?»<sup>109</sup> — писал он Амфитеатрову 23 января 1914 г.

Лопатин продолжал следить за творчеством Горького. Косвенное свидетельство этому содержится в письме к Горькому В. Ф. Краснова от 15 марта 1916 г.: «Вот за „Детство“ — великое Вам спасибо! Я заразил Германа Александровича Лопатина своим восторгом о „Детстве“, и он таскал у меня его и „Кожемякина“ своим знакомым: мы жили напротив в коридоре Дома писателей почти два года»<sup>110</sup>.

Но в России Горький и Лопатин не имели даже тех личных отношений, которые установились между ними в эмиграции. История с «коленипреклонением» Шалапина, в которой Лопатин принял сторону Амфитеатрова, разумеется, не могла бы поколебать их добрых отношений: Горький был достаточно терпим к личной позиции инакомыслящего, пока она не приобретала характер общественный.

В России Горького и Лопатина развлекло важнейшее историческое событие 1914 г. — первая мировая война. Лопатин с первых дней занял позицию «оборончества». Он поддержал обращение Амфитеатрова к эмигрантам с призывом забыть все политические разногласия и единым фронтом выступить против Германии (см.: Г—А, предисл. к переписке), приветствовал вступление З. А. Пешкова волонтером во французскую армию и даже считал, что Бурцев может быть полезен в России для разоблачения германских шпионов<sup>111</sup>. Естественно, что позиция Горького и возглавляемой им «Летописи» в этом вопросе оказалась ему чужда, и Лопатин стал сотрудничать (как всегда не очень активно) в шовинистической «Русской воле».

Развлекло Горького и Лопатина и отношение к социал-демократии — той части передовой русской интеллигенции, которую Горький всегда считал наиболее талантливой и деятельной и с которой в эти годы особенно активно сотрудничал<sup>112</sup>.

Так что в России в 1914—1916 гг. Горький и Лопатин находились в отношениях более далеких, нежели прежде в эмиграции. Эти годы оказались едва ли не самыми трудными для Лопатина. В его жизни были разные периоды: «первая» — героическая — жизнь; Шлиссельбург, где, чтобы выжить, потребовалось напряжение всех духовных сил; «после Шлиссельбурга» — Россия и эмиграция с надеждой на приобщение к настоящей деятельности и, наконец, — снова Россия, куда он приехал больным и уставшим. Это было «дожитие», как трезво и иронически-спокойно оценил свое положение сам Лопатин. В России он встретил различное к себе отношение. Преобладало восторженное преклонение перед прежней его деятельностью, что особенно проявилось в дни его семидесятилетнего юбилея, и глубочайшее сострадание к тем мукам, которые он претерпел в Шлиссельбурге («Вы, наверное, будете причислены к лику святых»<sup>113</sup>, — писали ему В. И. и Е. Н. Семевские); к этим чувствам у иных, например у С. Мельгунова, примешивалась чуть заметная доля иронии к «сегодняшнему» Лопатину<sup>114</sup>. Бывшие товарищи по Шлиссельбургу, и в частности В. Н. Фигнер, порой неодобрительно о нем отзывались<sup>115</sup>.

Но сила и обаяние Лопатина в том и заключались, что, постаревший, больной, порою излишне разговорчивый, бездейственный, он сохранял высокий духовный настрой, верность революционным идеалам молодости. Этой своей духовностью он и привлекал к себе современников. Он оставался блестящим собеседником и превосходным рассказчиком, но за его рассказами всегда был оцутим «несокрушимый человек долга и идеала» — «могучий кряжистый дуб»<sup>116</sup>, как назовет он своего друга Лаврова.

Принадлежавший к блестящей плеяде русских революционеров 70—80-х годов, ученик Чернышевского, Лопатин сохранил верность революционным идеалам на протяжении всей жизни.

В 1917 г. была опубликована его заметка из дневника «Первые дни революции», живо передающая душевное состояние Лопатина в дни Февральской революции: «Чтобы описать все виденное, пережитое и пережитое мною в этот навеки незабвенный для меня день, самый счастливейший день моей жизни,— понадобились бы целые томы. Конечно, я весь день и вечер провел в толпе восставших рабочих и передавшихся на их сторону солдат, присутствуя при их подвигах и поражениях. Ах, что бы я дал вчера, чтобы бродить под руку с какой-нибудь зрячей спутницей! Мои глаза ведь теперь очень плохи. Попадал, конечно, не раз под обстрел из винтовок и пулеметов, оставался стоять даже тогда, когда мои случайные товарищи временно разбегались, ибо быть сраженным пулей в такой торжественный день, на склоне жизни, я считал бы за счастье»<sup>117</sup>.

Лучшие страницы о «первой жизни» Лопатина, «задавшие тон» всей последующей литературе о нем, принадлежали его другу Лаврову. Суть «второй жизни» Лопатина, на наш взгляд, впервые очень точно и глубоко определена Горьким. Он не был другом Лопатина, как это показывают документы, и даже расходился с ним во многом. Но, будучи причастен, хотя и издали, ко «второй жизни» этого замечательного человека, разгадал и понял ее.

Горький написал о Лопатине почти десять лет спустя после его смерти, написал очень коротко, заключив в одной фразе глубочайший смысл: «Хоронили Германа Лопатина, одного из талантливейших русских людей. В стране культурно дисциплинированной такой даровитый человек сделал бы карьеру ученого, художника, путешественника, у нас он двадцать лет, лучшие годы жизни, просидел в шлиссельбургской тюрьме» (XXIV, 275). Эти жесткие, даже жестокие слова противоречили, казалось бы, прежней горьковской оценке Лопатина — «сказочного человека». Но здесь нет противоречия. Для Горького Лопатин всегда оставался «одним из талантливейших русских людей», он помнил о своей первой встрече с Лопатиным, о котором тогда же с восторгом писал Амфитеатрову: «Только один Л. Толстой действовал на мое чувствилище столь грандиозно, только с ним беседуя — чувствовал я такую радость и гордость за человека, за нашу родину» (Г—А, п. от декабря, не ранее 9, 1909 г.). И закономерно, что Горький вспомнил и написал о Лопатине в статье «Заметки читателя», призывавшей человека научиться «изумляться себе самому». Лопатин, безусловно, принадлежал к числу тех людей, которые «действительно достойны изумления» (XXIV, 270).

Уже говорилось, что личность Лопатина привлекала внимание Толстого. 28 ноября 1905 г., т. е. вскоре после того, как многие узники покинули Шлиссельбург, Толстой, беседуя о судьбах заключенных, сказал: «Как люди делают зло людям! Ювачов, Лопатин — Лопатин был полон энергии — теперь сломленный старик,— говорил Ювачов»<sup>118</sup>.

Несколько ранее сам Лопатин — эти его слова приводились выше — писал родным из Шлиссельбурга: «Они слизнули у меня жизнь». «Они» — это не отвлеченные толстовские «люди», творящие зло. «Они» — это царь, жандармы, судьи, шлиссельбургские надзиратели — вся правящая клика царской России. Горьковская оценка «второй жизни» Лопатина и лопатинская самооценка — совпадали.

Горький не написал литературного портрета Лопатина. Но он сказал о Лопатине то, что не сумел сказать никто из людей его знавших. Горький сказал о трагедии Лопатина и истинном — грандиозном — масштабе его личности, потому что судьба такой личности имеет право быть названа трагедией.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Антонов В. Герман Лопатин. Липецк, 1960; *Научитель М. В. Герман Лопатин в Сибири*. Иркутск, 1967; *Смольников И. Г. А. Лопатин*. Л., 1967; *Харченко Л., Винклер А. Мятая жизнь*. 2-е изд. Ставрополь, 1972; *Кондратьев Н. «Пока свободой горим...»*. Л., 1975; *Давыдов Ю. Две связи писем*. М., 1983; *Сайкин О. А. Первый русский переводчик «Капитала»*. М., 1983; *Давыдов Ю. Герман Лопатин, его друзья и враги*. М., 1984 и др.

<sup>2</sup> См.: Лопатин.

<sup>3</sup> «Процесс 21-го». Женева, 1888.

<sup>4</sup> Поздравляя 8 ноября 1908 г. И. В. Амфитеатрову с днем рождения, Лопатин писал: «Я тоже родился в этот день (...) хотя и не в первый раз и при этом так много позже Вас, а именно 8 ноября 1905 г. Но это было такое приятное рождение» (ЦГАЛИ, ф. 34).

26 октября/8 ноября 1905 г. узникам Шлиссельбурга был объявлен «высочайший указ» «об облегчении участи лиц, впадших в государственные преступления», отменивший пожизненное заключение в Шлиссельбурге.

<sup>5</sup> ЦГАЛИ, ф. 1329, ед. хр. 9.

<sup>6</sup> Былое. 1906. № 2. С. 294.

<sup>7</sup> Былое. 1907. № 10. С. 45.

<sup>8</sup> Лопатин. С. 16.

<sup>9</sup> ЦГАЛИ, ф. 1185, оп. 1, ед. хр. 196. По воспоминаниям, именно Лопатин назвал Шлиссельбург Шлюшиным.

<sup>10</sup> Фигнер В. Н. Собр. соч. в 7 т. М., 1930. Т. 7. С. 44.

<sup>11</sup> Лопатин. С. 9.

<sup>12</sup> Там же. С. 14—15.

<sup>13</sup> Там же. С. 76. См. там же п. М. Ф. Негрескулу о жизни в Ставрополе.

<sup>14</sup> Там же. С. 187.

<sup>15</sup> М. Ю. Аппенбреннер вспоминал: «Г. А. Лопатин отзывался на каждое малое и большое событие в нашем мире эпиграммой или сатирой, так что по его поэтической летописи можно было бы восстановить всю нашу жизнь. Всегда блестящие и остроумные, его стихотворения напоминали несколько стиль Гейне, и бич его сатиры хлестал немилосердно и по своим и по чужим» (Былое. 1906. № 1. С. 71).

<sup>16</sup> Фигнер В. Н. Запечатленный труд. М., 1964. Т. 2. С. 226.

<sup>17</sup> Цит. по: Кудрин Н. Е. Герман Александрович Лопатин // Галерея шлиссельбургских узников. СПб., 1907. С. 198.

<sup>18</sup> ЦГАЛИ, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 16. Хотя Лопатин считал свои головокружения «пустяками», они так же свидетельствовали о его серьезном недомогании. 13 февраля 1909 г. он сообщил сестре: «Недавно оскрамлился в редакции „Былого“, грохнувшись внезапно на пол. Ухватился было за стол, но только опрокинул его на себя со всем, что на нем было» (Там же). Временами Лопатин проходил курсы лечения у доктора Залманова в Bogliasco.

<sup>19</sup> Раппопорт Ю. М. Из истории связей русских революционеров с основоположниками научного марксизма: (К. Маркс и Г. Лопатин). М., 1960.

<sup>20</sup> Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса к Николаю-ону. Объяснительная заметка (Н. Ф. Даниельсона) // Минувшие годы. 1908. № 1. С. 39.

<sup>21</sup> Реуэль А. Poleмика вокруг «Капитала» в России 1870 г. // Летопись марксизма. Л., 1930. № 1. С. 68. См. также: Бернштейн Э. Карл Маркс и русские революционеры // Минувшие годы. 1908. № 11: «Лопатин много поспособствовал тому, чтобы побудить некоторую часть прогрессивных элементов тогдашней русской молодежи обратиться к изучению Маркса» (с. 5).

<sup>22</sup> Здесь и далее цит. по тексту первой публикации: Минувшие годы. 1908. № 1. С. 51; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 213.

<sup>23</sup> Минувшие годы. 1908. № 1. С. 53, 55; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 403, 458.

<sup>24</sup> Минувшие годы. 1908. № 2. С. 217—218, 219; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 8, 91.

<sup>25</sup> Минувшие годы. 1908. № 2. С. 221; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 202. Ср. с воспоминаниями Э. Бернштейна: «Что касается Фридриха Энгельса, то всякий раз, когда у нас заходила речь о Лопатине, он всегда выражал безграничную веру в его энергию и настойчивость. „Я твердо убежден,—повторял он до самого конца,— что в один прекрасный день Лопатин снова взойдет в мою комнату, спокойно усядется передо мной и разразится смехом“. И это говорилось, когда Лопатин сидел в Петропавловской крепости и в Шлиссельбурге. Ясно, что такие ожидания можно было питать лишь по отношению к человеку, для которого считали возможным совершенно не исполнимые для других подвиги» (Минувшие годы. № 11. С. 9).

<sup>26</sup> Там же. № 3. С. 20.

<sup>27</sup> ЦГАЛИ, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 16. Лопатин значился среди участников издания. Об этой газете Лопатин писал и брату и так же радовался, что ее «прихлопнули на № 1» (Там же).

<sup>28</sup> Антонов В. Герман Лопатин. С. 151; Кондратьев Н. «Пока свободой горим...». С. 468.

<sup>29</sup> ЦГАЛИ, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 9.

<sup>30</sup> Там же. В письме упоминаются: А. А. Макаров — в те годы товарищ министра внутренних дел; Д. П. Трусевич — директор Департамента полиции; И. Д. Лукашевич, В. Н. Фигнер и М. В. Фроленко. В. Н. Фигнер получила заграничный паспорт по ходатайству ее брата, известного певца Н. Н. Фигнера.

- <sup>31</sup> Там же.
- <sup>32</sup> Там же.
- <sup>33</sup> Там же, ед. хр. 16.
- <sup>34</sup> Там же.
- <sup>35</sup> Там же. (В кн. В. Антонова «Герман Лопатин» дата отъезда Лопатина за границу указана ошибочно: 27 июня.)
- <sup>36</sup> Там же.
- <sup>37</sup> Там же, ед. хр. 17.
- <sup>38</sup> Там же, ед. хр. 16. Сергей Иванович Горелов — артист, сын известного русского артиста Владимира Давыдова (псевдоним Ивана Николаевича Горелова). С. И. Горелов и его сестра Елена Ивановна подолгу жили в Кави, они упоминаются в п. Амфитеатрова Горькому.
- <sup>39</sup> Там же.
- <sup>40</sup> Там же.
- <sup>41</sup> Там же, ед. хр. 17.
- <sup>42</sup> Арх. Г. Т. IX. С. 121.
- <sup>43</sup> ЦГАЛИ, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 17.
- <sup>44</sup> Там же, ф. 34.
- <sup>45</sup> Там же, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 17. Ср. в п. к Н. Ф. Русановой от 24 октября 1909 г. о жизни в Кави: «Живу совсем одиноко, волком. Живу здесь просто потому, что надо же жить где-нибудь, и еще потому, что мне не на что развешивать для собственного удовольствия» (ГБЛ, 218, 1302, 7).
- <sup>46</sup> ЦГАЛИ, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 16.
- <sup>47</sup> Там же.
- <sup>48</sup> Новорусский М. В. Записки шлиссельбуржца, 1887–1905. Пг., 1920. С. 155. О том, что в библиотеке Шлиссельбурга были произведения Горького, сообщает в своих воспоминаниях и М. Ю. Ашенбреннер.
- <sup>49</sup> Фигнер В. Н. Указ. соч. Т. 7. С. 85.
- <sup>50</sup> ЦГАЛИ, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 16.
- <sup>51</sup> Давыдов Ю. Судьба архива Германа Лопатина // Лит. газ. 1974. № 32.
- 7 авг.
- Л. А. Мартынова, неоднократно упрекавшая Лопатина в том, что он не пишет мемуары, однажды обратилась с письмом к Горькому, в котором сетовала на «молчание» брата: «Я никак не могу примириться с молчанием Германа, он такой умный, знающий, талантливый (...) стоящий выше многих, могущий стряхнуть апатию своим живым, смелым, увлекающим словом, и он — молчит?» (АГ).
- <sup>52</sup> ЦГАЛИ, ф. 2534, оп. 1, ед. хр. 47.
- <sup>53</sup> ЦГАОР, ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 2.
- <sup>54</sup> ЦГАЛИ, ф. 34. См. также: Л—А, п. 28–31.
- <sup>55</sup> Там же, ф. 2534, оп. 1, ед. хр. 47.
- <sup>56</sup> Там же, ф. 34. Л—А, п. 7.
- <sup>57</sup> Былое. 1906. № 1. С. 93.
- <sup>58</sup> АГ.
- <sup>59</sup> Новорусский М. В. Записки шлиссельбуржца. С. 154. «Это дало повод Г. А. Лопатину как-то предложить нам изгнать из наших списков (научной литературы) раз навсегда термин „социальный“, а писать вместо него „салициловый“», — вспоминал Новорусский (Там же).
- <sup>60</sup> Ашенбреннер М. Ю. Шлиссельбургская тюрьма за 20 лет от 1884 г. по 1904 г. // Былое. 1906. № 1. С. 57.
- <sup>61</sup> Лопатин. С. 14.
- <sup>62</sup> Лопатин был автором статьи о Дегаеве «Ошибки революционера и преступления предателя», помещенной в журн. «Народная воля» (1884. № 10).
- <sup>63</sup> ЦГАЛИ, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 16.
- <sup>64</sup> Там же, ф. 419, оп. 2, ед. хр. 2. Розанов ответил Лопатину на его письмо, и в свою очередь Лопатин писал ему 25 марта 1909 г.: «Со многими Вашими мыслями я, вероятно, даже согласился бы, поскольку я в силах схватить их из Вашего отрывочного, „судорожного“ изложения, напоминающего скорее „вещания“ библейского пророка, чем аргументацию философа-социолога. Но мне кажется, что даже там, где я как будто согласен с Вами, я бы „то же слово, да не так молвил“» (Там же).
- Иван Николаевич — одна из партийных кличек Азефа.
- Отношения В. Н. Фигнер с Азефом были сложнее. Она познакомилась с ним в 1907 г. После съезда эсеров в Лондоне, на котором поднимался вопрос о провокаторской деятельности Азефа, Фигнер продолжала верить в то, что эти обвинения ложны. См.: Фигнер. После Шлиссельбурга. Т. 3.
- <sup>65</sup> ЦГАЛИ, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 16. Ю. Давыдов и Н. Кондратьев использовали в своих книгах эти лопатинские характеристики Азефа.
- <sup>66</sup> Там же, ф. 1185, оп. 1, ед. хр. 196. В письме Кропоткина речь идет о сообщении ЦК партии эсеров от 26 декабря 1908 г./8 января 1909 г., в котором Азеф был «объявлен провокатором» и человеком, «крайне опасным и вредным для партии» (Знамя труда. 1909. № 14).

<sup>67</sup> *Арх. Г. Т. IX. С. 61, 64.*

<sup>68</sup> *ЦГАЛИ, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 17.*

<sup>69</sup> *Лопатин. С. 70.*

<sup>70</sup> *Седов М. Г. Героический период революционного народничества. М., 1966. С. 347—351.*

<sup>71</sup> *ЦГАЛИ, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 16.*

<sup>72</sup> *Арх. Г. Т. IX. С. 97, 99.*

<sup>73</sup> *ЦГАЛИ, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 17.*

<sup>74</sup> Там же, ф. 2534, оп. 1, ед. хр. 47. Об участии Лопатина в «Современнике» см. также переписку Горького и Амфитеатрова за 1911 г. Амфитеатров называл Лопатина, помогающего «Современнику», «ласковым добровольцем».

<sup>75</sup> *Лавров П. Заметки о Г. А. Лопатине // «Процесс 21-го». С. I—III.*

<sup>76</sup> *ЦГАЛИ, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 16.*

<sup>77</sup> *Голос минувшего. 1920/1921. С. 96.*

<sup>78</sup> *АГ. Петр — П. М. Рутенберг.*

<sup>79</sup> Рассказы касаются преимущественно условий существования шлиссельбургских узников, поскольку в этой главе речь идет об одном из персонажей романа «Восьмидесятники», революционере Берпове, отбывающем одиночное заключение в крепости, название которой не дано. Используя многие подробности рассказов Лопатина, Амфитеатров даже сохранил прозвище одного из надзирателей крепости — Ирод. Об этом Ироде (Соколове) писали в своих воспоминаниях едва ли не все шлиссельбуржцы.

<sup>80</sup> В 1922 г. в серии «Из приключений старых революционеров» был напечатан рассказ Лопатина о третьем побеге из Иркутской тюрьмы, записанный А. И. Голополовым в 1915 г.

<sup>81</sup> *ЦГАЛИ, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 16.*

<sup>82</sup> Там же, ф. 34.

<sup>83</sup> Там же, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 17.

<sup>84</sup> Там же, ед. хр. 16.

<sup>85</sup> Там же, ед. хр. 17.

<sup>86</sup> Там же, ед. хр. 16.

<sup>87</sup> Там же, ф. 34.

<sup>88</sup> *Лопатин. С. 124—127.*

<sup>89</sup> *ЦГАЛИ, ф. 2534, оп. 1, ед. хр. 47.*

<sup>90</sup> Там же, ф. 34. Ни в одном письме за июнь 1913 г., когда Лопатин принял твердое решение вернуться в Россию, он ни разу прямо не написал о своем намерении. «Вернется ли наш общий друг и когда именно, ей-богу, не знаю. Разные специалисты все запугивают его через брата, но он относится к этим запугиваниям довольно скептически. Во всяком случае, если он вернется, то постарается сделать это неожиданно», — писал он Н. Ф. Русановой из Парижа 5 июня 1913 г. (*ГБЛ. 218. 1302. 7. л. 12*), называя себя «наш общий друг», как когда-то называли его Маркс и Энгельс. В связи с этим вызывает недоумение упоминавшееся п. Амфитеатрова Горькому, написанное менее чем за две недели до отъезда Лопатина в Россию (11 июня 1913 г.). В нем Амфитеатров прямо сообщал о решении Лопатина уехать на родину, о том, что сейчас Лопатин в Париже, и советовал, что в «Киевской мысли» не ко времени появилась фотография Лопатина.

<sup>91</sup> *Нелидова Л. Памяти Г. А. Лопатина // Голос минувшего. 1923. № 3. С. 103.*

<sup>92</sup> *ЦГАЛИ, ф. 34.*

<sup>93</sup> *Горбунов М. (Е. Колосов). Был ли архив у Германа Лопатина? // ЛН. Т. 7—8. С. 434.*

<sup>94</sup> Там же. С. 432.

<sup>95</sup> *П. Л. Лаврова.*

<sup>96</sup> *ЦГАЛИ, ф. 2534, оп. 1, ед. хр. 47.*

<sup>97</sup> Там же. М. Горбунов сообщал, что свой архив — «большие пакеты, особо свернутые» — Лопатин нашел в «лавровских сундуках» (*ЛН. Т. 7—8. С. 432*).

<sup>98</sup> *ЦГАЛИ, ф. 34.* По свидетельству М. Горбунова, Лопатин говорил ему, что утопил «на дне морском» два мешка своего архива (*ЛН. Т. 7—8. С. 432*). Ю. Давыдов, основываясь на словах о «недоистребленном» архиве, считает, что это были бумаги из найденного в Париже архива Лопатина. См.: *Лит. газ. 1974. № 32. 7 авг.*

<sup>99</sup> *ЦГАЛИ, ф. 34.*

<sup>100</sup> «Всю свою жизнь я был одиночкой-протестантом», — заявил Бурцев перед отъездом в Россию (Будущее. 1912. № 33. 9 июня). Любопытную характеристику дал Бурцеву бывший директор Департамента полиции А. А. Лопухин, показания которого были «главным и единственным доказательством к изобличению Азефа»: «неуравновешенный энтузиаст, называвший себя народолюбцем по убеждениям» (Обвинительный акт по делу об отставном действительном статском советнике А. А. Лопухине / *Былое. 1909. № 9/10. С. 225, 206*).

<sup>101</sup> *ЦГАЛИ, ф. 34.*

<sup>102</sup> *В. И. Ленин. Т. 21. С. 15, 22.*

<sup>103</sup> *Лопатин. С. 14—15.*

<sup>104</sup> Былое. 1910. № 13. С. 137.

<sup>105</sup> Лопатин. С. 81.

<sup>106</sup> См.: *Расспорт Ю. М.* Из истории связей русских революционеров с основоположниками научного марксизма: (К. Маркс и Г. Лопатин). С. 79.

<sup>107</sup> *ЦГАЛИ*, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 9. См. также: *Харченко Л., Винклер А.* Мятая жизнь. С. 275—279. Аналогичное письмо было послано Амфитеатровым в редакцию журн. «Голос минувшего» (Голос минувшего. 1920—1921. С. 97).

<sup>108</sup> В оценке, которую дал Амфитеатров Лопатину, при всей ее внешней объективности, ссылке на мнение самого Лопатина, признании Амфитеатрова, что Лопатин — «это самый крупный человек, которого я знал в своей жизни», ощутим оттенок некоей снисходительности, жалости к «постаревшему чрезвычайно» Лопатину.

<sup>109</sup> *ЦГАЛИ*, ф. 34. См. также: Л—А, п. 33, 36, 38, 40.

<sup>110</sup> *ЛГ*.

<sup>111</sup> Одновременно Лопатин порицал заявление Бурцева о том, что надо, «по забыв партийные раздоры», сомкнуться «вокруг правительства» и что сам он едет на родину работать рука об руку с правительством. Дальнейшие рассуждения Лопатина по этому поводу были вымараны цензурой (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

<sup>112</sup> Лопатин не мог не оценить приветствия членов думской социал-демократической группы, находившихся в тюрьме и приславших ему в день юбилея «адрес в таких выражениях, которые проняли меня до слез», сообщил он брату (*ЦГАЛИ*, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 9).

<sup>113</sup> Голос минувшего. 1920—1921. С. 95.

<sup>114</sup> *Мельгунов С.* Встречи. I. Г. А. Лопатин // Там же.

<sup>115</sup> См., напр., п. В. Н. Фигнер П. Л. Антонову (*Фигнер В. Н.* Указ. соч. Т. 7. С. 153). Н. А. Морозову она писала 23 марта 1915 г.: «Ты знаешь, в П(етрограде) видела всех наших. Лопатин, по обыкновению, расширил себя так, что никому не дал слова выговорить, и хотя был очень мил, много потратил общего времени на „советы“, которые в конце оказались ненужными» (Там же. С. 256).

<sup>116</sup> Голос минувшего. 1916. № 4. С. 204.

<sup>117</sup> Цит. по кн.: *Лопатин. С.* 181.

<sup>118</sup> *ЛН*. Т. 90, кн. 1. С. 477. Иван Павлович Ювачев (1860—1936) — народоволец. В 1884 г. был приговорен к 15 годам каторжных работ. Четыре года сидел в одиночной камере в Шлиссельбурге, затем был отправлен на поселение на Сахалин.